

III
ТОМ

ПЕЛЯ: Ч
У

ОБЕТ

Гильмутдинов Ирек

Ирек Гильмутдинов

Петля: Чужой Обет. Том третий

«Автор»

2026

Гильмутдинов И.

Петля: Чужой Обет. Том третий / И. Гильмутдинов — «Автор», 2026

Чтобы править миром, его сначала нужно спасти. От себя самого. Они называют это «Естественным отбором». Бросить зёрна в благодатную почву и ждать, какое прорастёт и станет императором планеты. Никакого вмешательства. Только "наблюдение". Игорь — такое зёрнышко. Но он пророс не во дворце, а в обычной деревне, жительница которой нашла его в лесу. Его жизнь — череда приключений, добытых в бою с тварями из недр планеты и в дуэлях с баронами, которые видят в нём лишь досадное недоразумение. С ним братство изгоев и странный артефакт, который шепчет ему в момент смерти: «Петля активирована». Но когда друзья Игоря начинают гибнуть по-настоящему, он понимает: чтобы спасти всех, ему нужно не просто победить. Ему нужно совершить невозможное — объединить враждующие кланы и взять власть, к которой, как выясняется, его готовили с пелёнок. Последний вопрос, который он задаст себе перед решающей битвой: а те, кто "посеял" его здесь, готовы ли принять урожай?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	40
Глава 7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Ирек Гильмутдинов
Петля: Чужой Обет. Том третий

Глава 1

Петля: Чужой обет. Том третий

Глава первая

Территория Человеческой Империи.

Звёздная система Малабай (Пышная, Обильная).

Сорок семь лет назад.

Звёздная система Малабай по праву считалась жемчужиной в короне Империи и одним из богатейших её уголков. Сердцем её процветания были две планеты-курорта, словно сошедшие с рекламных постеров туристических голосетей: с бескрайними пляжами из ослепительно белого песка, лазурными, прозрачными до самого дна морями и фантастическим изобилием флоры и фауны. Океаны буквально кишели деликатесами, а леса ломились под тяжестью невиданных плодов.

По высочайшему императорскому указу одна из планет была отдана под исключительное пользование элите – тем, кто мог позволить себе платить астрономические суммы за глоток воздуха, считавшегося целебным, и блюда из местных диковин. Вторая же стала социальным для многодетных семей, выдающихся деятелей культуры, учёных, достигших высот, и офицеров, завершивших службу с отличием.

Но истинным пульсом системы, её тёмным и шумным сердцем была планета-базар «Перекрёсток». Крупнейшая торговая площадка во всём пространстве Империи. Здешняя поговорка гласила: «Если нет на Перекрёстке – значит, нет нигде». Сюда стекались товары со всех уголков галактики: пиратская добыча, контрабанда с закрытых миров, последние новинки гигантских корпораций, редкие артефакты независимых колоний и диковинки инопланетных рас, состоящих с Империей в шатком торговом союзе. Здесь можно было найти абсолютно всё – и столь же легко бесследно исчезнуть, а после быть проданным на невольничьем рынке.

Однако Дон Карлтон, ведущий инженер-исследователь корпорации «Чистая Линия», не испытывал ни тени беспокойства. Во-первых, его имя имело вес в академических кругах; многие его труды были включены в учебные программы имперских университетов. Во-вторых, его работодатель входил в двадцатку самых могущественных корпоративных игроков. Даже в самом немыслимом случае похищения его сознание было бы мгновенно перенесено на защищённый корпоративный сервер, а тело – воссоздано заново, усовершенствованное и лишённое былых изъянов. Сейчас учёный, утомлённый праздным валянием на пляже, в то время как вся его семья наслаждалась аквапарком, взял билет и полетел на базар, где неспешно бродил по бесконечным рядам в поисках чего-нибудь по-настоящему нового. Шесть часов бесцельного блуждания не принесли ничего, что могло бы по-настоящему зацепить его искущённый взгляд. Раздосадованный, он присел за столик уличного кафе, собираясь заказать кофе, как вдруг напротив него без приглашения опустился на свободный стул молодой человек. Незнакомец был белокурым, а его поразительно яркие, словно отполированные изумруды, глаза смотрели на Дона с безмятежной прямоотой.

– Дон Карлтон, добрый день. Это я, Кайл, – произнёс незнакомец, и в уголках его глаз собрались лучики мимических морщинок от лёгкой, открытой улыбки.

– Кайл? – учёный приподнял бровь, делая вид, что перебирает в памяти сотни, если не тысячи, прошедших через его аудиторию лиц. По факту же ему хотелось побыть одному.

– Вы меня не узнали? – парень слегка склонил голову набок, и прядь белокурых волос упала ему на лоб. – Я был вашим студентом. Помните, лет триста назад вы выгнали меня с лекции за то, что я пролил флакон с чернилами, что сделал сам, на ваше любимое кресло?

Которое принёс вам показать. Вы тогда даже похвалили стойкость пигмента, прежде чем указать мне на дверь.

– Ах, это ты... – Карлтон сделал широкий жест, будто пелена спала с его глаз, хотя в памяти всплыла лишь смутная тень давно забытого инцидента. – Какими судьбами занесло тебя в эту космическую трущобу?

– Да вот, подался в археологи, – ответил Кайл, пожимая плечами. Он откинулся на спинку стула, и его взгляд на мгновение скользнул по шумной толпе. – Прилетел продать пару находок. Только что с корабля, если честно. Решил подкрепиться, прежде чем нырять в этот рыночный омут. И тут вижу – Вы сидите. Решил подойти поздороваться.

«И, несомненно, сделать это за мой счёт, – пронеслось в голове у Карлтона, пока он оценивающе скользил взглядом по потрёпанному, хоть и чистому, полевому комбинезону молодого человека. – Судя по внешнему виду, дела у тебя идут не то чтобы блестяще».

– И что же тебе удалось откопать на этот раз? – спросил учёный, прихлёбывая остывший кофе. Его тон был нарочито скупающим. – Древний кувшин? Осколки посуды? Ржавые наконечники от копий? Или, быть может, легендарный «видеомагнитофон» с какой-нибудь очередной полноты, что считают нашей прародительницей?

– Нет, профессор, – Кайл внезапно понизил голос до доверительного шёпота и наклонился через стол. Его изумрудные глаза загорелись азартным огоньком. – На этот раз удача была ко мне более чем благосклонна. Я нашёл кое-что... что, без сомнения, принадлежало Предтечам.

– С чего ты взял? – Карлтон не моргнув глазом, хотя его пальцы непроизвольно сжали ручку чашки чуть сильнее.

– Я действовал строго по вашим методикам, – ещё тише прошептал Кайл, оглядываясь по сторонам. – И использовал тот самый мультиспектральный сканер, прототип которого Вы создали для полевого анализа. Он дал однозначное определение. Сто процентов совпадения по всем маркерам. Вот я, не мешкая, собрал вещи и – сюда. Надеюсь выручить достаточно, чтобы наконец-то встать на ноги, а не тянуть из родителей последние кредиты. Им и так нелегко.

– И... покажешь? – спросил Карлтон тем же размеренным, слегка пресыщенным тоном, в то время как внутри у него всё сжалось в тугую, лихорадочный узел. Технологии Предтечей были его навязчивой идеей, белой горячкой учёного. Он был готов отдать за подлинный артефакт целое состояние, но такие вещи редко всплывали на открытом рынке. Их скупали в тишине кабинетов, прятали в частные коллекции за непробиваемым стеклом или запирали в корпоративные сейфы для секретных исследований. Шанс, что этот растяпа держит нечто подобное прямо сейчас, был ничтожно мал, но от мысли об этом у Карлтона перехватило дыхание.

– Конечно, – оживился Кайл, потянувшись к своей потрёпанной полевой сумке. После недолгих поисков он извлёк оттуда предмет и с почтительным трепетом поставил его на столик между ними. Это был металлический цилиндр, на первый взгляд – самый заурядный, без опознавательных знаков или украшений. – Вот оно.

Глаза молодого археолога сияли такой неподдельной гордостью, будто он только что одержал победу в Императорских Гонках – легендарном состязании, куда допускались лишь избранные, и где порой участвовал сам монарх.

– И? – учёный бросил на находку скептический взгляд, ничуть не разделяя восторга собеседника. Ему даже не потребовались приборы, чтобы опознать в предмете стандартный контейнер для криосохранения биоматериалов – ДНК, клеточных культур или целых образцов флоры. Подобными устройствами он пользовался в своей работе ежедневно. Технология была давно освоена и стала обыденной.

– Да Вы присмотритесь внимательнее, – настаивал Кайл, вращая цилиндр в пальцах и наклоняясь ближе. Он указал на небольшой индикатор, почти сливавшийся с матовой поверхностью. – Сюда. Посмотрите на дату герметизации.

Карлтон склонился, и его равнодушие в одно мгновение испарилось, уступив место ледяной колкости в груди. Цифры на дисплее, записанные в архаичной, но всё ещё читаемой системе счисления Предтеч, указывали на возраст: более трёх миллионов стандартных лет. И статус: «Интакт. Не вскрывался».

– Внутри может быть что угодно. ДНК самих Создателей, – прошептал Кайл, его руки дрожали от возбуждения.

– Или геном давно вымершего цветка. Или образец шерсти «необычного лисёнка», как ты выразился, с планеты, куда они лишь однажды заглянули, – парировал Карлтон, стараясь говорить так, чтоб не выдать своей заинтересованности. Он откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди. – Без точного знания содержимого его цена колеблется от цены металлолома до... абстрактной бесконечности.

– Согласен, – кивнул Кайл, и его взгляд стал хитрым. – Поэтому я и решил выставить его на аукцион. Пусть покупатели гадают и торгуются, подогретые азартом. А я получу свои честные миллионы, не рискуя разочароваться.

Он на манер собеседника откинулся назад, с явным удовольствием наблюдая, как наконец-то проступает неподдельный, жадный интерес на лице бывшего наставника.

– Послушай, Кайл, – начал Карлтон, делая паузу и потирая переносицу, будто обдумывая великодушное предложение. – Из уважения к нашей старой связи... Я предлагаю тебе десять тысяч кредитов. Здесь и сейчас.

– Что? Нет, профессор, Вы что! – молодой человек замахал руками, словно отгоняя навязчивую муху. – Это смехотворно мало. Меньше чем за триста тысяч я даже обсуждать не стану.

– Ты понимаешь, что на аукционе такие суммы за «кота в мешке» не светят? А если и сорвёшь куш... – Карлтон понизил голос до угрожающего шёпота, – тебя прирежут в тёмном переулке, не дав потратить и первого кредита. Исчезнешь без следа, как и многие на этом базаре.

– Я всё же попытаюсь, – упрямо поджал губы археолог, но в его глазах мелькнула тень сомнения.

– Ладно. Предлагаю компромисс, – Карлтон сделал вид, что сдаётся, и вздохнул. – Я свяжусь с советом директоров. Если они одобряют, «Чистая Линия» выкупит твой цилиндр за сто тысяч. Без вскрытия. Но ты должен осознавать – мы тоже рискуем, приобретая неизвестность.

Кайл задумался, обхватив подбородок. Он уже открыл рот, чтобы ответить, но слова так и не успели сорваться с его губ.

Тонкий, почти невидимый в сумеречном свете базара луч лазера с шипящим звуком прошил воздух и вошёл в его висок. Исход был мгновенным и бесшумным. Молодой человек беззвучно осел, а затем грузно рухнул со стула на только что вымытый роботом пол кафе, оставив на столе нетронутый цилиндр.

Карлтон застыл, парализованный шоком. Прежде чем он успел сделать движение или издать звук, к его столику уверенной, тяжёлой поступью подошла массивная фигура в полном боевом экзоскостюме. Броня была матово-чёрной, без опознавательных знаков, а забрало скрывало лицо владельца, отражая искажённое отражение побледневшего учёного.

– Мои глубочайшие извинения за вторжение, господин, – прозвучал из-под забрала голос, лишённый эмоций, как далёкий гул двигателей. – Но этот человек – разыскиваемый преступник. За его голову назначена награда, и статус «мёртв» в данном случае полностью её удовлетворяет.

Карлтон вмиг всё понял. Перед ним стоял не просто наёмник, а корпоративный охотник за головами. И, судя по дорогой, несерийной броне, работал он на кого-то из серьёзных игроков, вероятно – прямого конкурента «Чистой Линии».

– Ситуацию я уяснил, – скривился учёный, с трудом отводя взгляд от бездыханного тела на полу. – Но Вы могли бы проявить элементарное терпение и дождаться окончания нашей беседы.

– Боюсь, это было невозможно, – ответил охотник, и его шлем слегка повернулся в сторону, будто он оценивал реакцию Карлтона. – Объект отличался изворотливостью и мог ускользнуть в любой момент. Я преследовал его не один стандартный цикл. А сейчас и вовсе наткнулся случайно.

С этими словами наёмник наклонился, с профессиональной лёгкостью взвалил безвольное тело Кайла на плечо и подобрал с пола его потрёпанную сумку. Затем, не меняя положения, он протянул руку в боевой перчатке к столу, чтобы забрать цилиндр.

Его пальцы сомкнулись на пустоте.

Учёный, всё ещё сидевший на своём месте, резким, почти незаметным движением при-
тянул артефакт к себе и прикрыл его ладонью. Его взгляд, только что потрясённый, теперь стал твёрдым и холодным.

– Это моя собственность, – произнёс Карлтон, и в его голосе прозвучала сталь.

– Прошу прощения, мне показалось... – начал охотник, его поза слегка изменилась, выдав мгновенную насторожённость.

– Вам показалось, – отрезал учёный ещё более решительно, поднимаясь со стула. Он держал цилиндр так, будто это была священная реликвия. – На этом наш диалог окончен. Всего вам доброго.

Не дожидаясь ответа, Карлтон развернулся и зашагал прочь от столика, оставляя за собой пятно крови на полу и безмолвную угрозу в матово-чёрной броне. Первые несколько шагов он делал размеренно, демонстрируя полное самообладание. Но с каждым следующим его походка становилась всё быстрее, а к середине базарной площади он уже почти бежал, инстинктивно лавируя в толпе, сжимая драгоценный цилиндр так, что суставы пальцев побелели. Его единственной мыслью было добраться до космопорта «Гагарин» – самой оживлённой и, следовательно, самой безопасной точки на планете. Кем был этот самый Гагарин, учёный не имел ни малейшего понятия, да это сейчас и не имело ни малейшего значения. Весь его мир сузился до холодного металла в его руке.

По дороге, не сбавляя темпа, он на ходу отправил жене и детям короткое голо-сообщение, стараясь, чтобы в тоне звучала лишь лёгкая деловая озабоченность: мол, возникли непредвиденные обстоятельства на работе, срочный вызов, отдохайте без меня. Пальцы его дрожали, когда он завершал запись.

Самое важное теперь было не в семье и не в курорте. Оно было у него в руке, и нужно было как можно скорее доставить эту находку в надёжные руки. Или, что казалось всё более вероятным, в свои собственные.

Прибыв в свою личную, строго засекреченную лабораторию на орбитальной станции «Чистой Линии», Дон Карлтон немедленно приступил к анализу. Он работал с лихорадочной одержимостью, забывая о сне и еде, пока приборы гудели, сканируя таинственное содержимое. И каково же было его потрясение, когда данные подтвердили самое смелое предположение: внутри хранились генетические последовательности, неопровержимо принадлежавшие Предтечам.

Однако доступ к полному архиву данных, скрытому за дополнительным уровнем защиты, потребовал титанических усилий. Почти шесть стандартных лет ушло на его взлом, и это – при задействовании всех вычислительных мощностей, к которым учёный имел тайный доступ. Работа велась в глубочайшей тени, без ведома корпоративного совета. Если он прав, то перед

ним открывается путь не просто к богатству, а к величайшей славе, которая затмит всех живых и мёртвых учёных Империи. Ведь до сих пор никому не удавалось заполучить нечто столь бесценное.

Червь сомнения, конечно, грыз его изнутри, но когда последний виртуальный барьер рухнул и архивы распахнулись, счастье захлестнуло учёного с такой силой, что у него перехватило дыхание. Внутри содержалось не единичное ДНК, а целых шесть уникальных геномов. Словно кто-то заботливо собрал и сохранил генетическое ядро целой семьи. Такое практиковали многие, особенно те, кто не доверял сторонним банкам данных, предпочитая хранить своё бесценное наследие в личных, надёжно спрятанных сейфах.

– Господин Карлтон, – раздался у входа мягкий, почтительный голос. В дверях стояла его помощница Лиле, с планшетом в тонких, изящных пальцах. – Поступил новый запрос на синтез «зерна».

– Что случилось с предыдущей партией? – отозвался Дон, не отрывая взгляда от сияющих голограмм генетических спиралей.

– Не прижились. Объект 11569 скончался от врождённого иммунодефицита, не дожив до первого года. Объекту 11574... отрубили голову. У него проявились спонтанные воспоминания, и местное население на примитивной планете приняло его за демона.

– Понятно, – пробормотал Карлтон, потирая подбородок. В его глазах вспыхнула искра азартной идеи. – Что ж, дай мне минуту. У меня созрел... дерзкий план. Возможно, на этот раз мы не просто выполним квоту, а сорвём джекпот.

– Как скажете, господин Карлтон. Я буду ждать ваших указаний, – кивнула Лиле и бесшумно удалилась, скользя по отполированному полу.

Едва дверь закрылась, Дон с решительным видом активировал биопринтер. Его пальцы летали по интерфейсу, загружая в аппарат один из расшифрованных образцов – самый стабильный и полный. Агрегат загудел, и внутри его камер начал формироваться новый организм. Процесс занял несколько часов. Когда аппарат наконец издал мелодичный сигнал готовности, учёный почти побежал к нему, сердце бешено колотилось в груди, намереваясь выпрыгнуть.

Он замер перед открывшейся камерой, и его охватило смятение. На стерильном лотке лежало тело. Взрослое, полностью сформированное. И до боли знакомое.

Это был Кайл. Тот самый нерадивый археолог, чью жизнь оборвал луч наёмника.

Волна панического ужаса накатила на учёного. Его обманули? Весь этот титанический труд, годы ожидания – всего лишь грандиозный фарс? Но нет... анализаторы не лгут. Данные были подлинными. Мысли путались, попытки понять эту генетическую загадку вызвали в его мозгу спазм. Вдобавок его собственное тело, долгие годы работавшее на износ без должного лечения, дрогнуло и дало фатальный сбой. Острая боль пронзила грудь, мир поплыл перед глазами, звуки стали глухими...

Сердце остановилось.

Но смерть в эту эпоху была понятием условным. Сознание Дона Карлтона, как и было запрограммировано, рвануло по защищённым каналам связи к удалённому корпоративному серверу-хранилищу. Скоро, очень скоро он вновь материализуется в этом мире – в новом, молодом, идеально откалиброванном теле, без намёка на болезни и усталость.

Но на это потребуется время. А пока его лаборатория, тихий биопринтер и безжизненная копия тела Кайла остались в полной, звенящей тишине.

Тем временем в лабораторию, где царила гнетущая тишина, нарушенная только тихим гулом оборудования, вернулась Лиле. Первое, что она увидела, – мёртвое тело начальника на полу. Нажав на экране планшета, вызвала робота для утилизации. А она ему давно говорила, чтоб тот прошёл процедуру обновления.

Затем её взор упал на безжизненное, но полностью сформировавшееся взрослое тело на столе биопринтера, она на мгновение застыла, а её тонкие брови удивлённо приподнялись. В голове мелькнула мимолётная, чисто эстетическая мысль: «Какой... симпатичный мужчина». Но профессиональная выучка взяла верх. Её губы сжались в тонкую линию неодобрения. Начальник, должно быть, совсем заигрался с этими тайными проектами, раз нарушил базовый протокол.

Согласно строжайшему Имперскому указу, на миссии по внедрению их в империю, разрешалось отправлять исключительно младенцев – *tabula rasa*[1], чистые листы, лишённые памяти и привязанностей, готовые впитать культуру нового мира. Взрослая личность была непредсказуема и потенциально опасна. А также мог проявиться синдром «попаданца».

Не раздумывая долго, Лиле нажала на панели управления кнопку с пиктограммой утилизации. Аппарат мягко забрал тело в свои недра для переработки. Затем, вздохнув, она запустила процесс заново, на этот раз скрупулёзно выставив все параметры в соответствии с регламентом. Через несколько часов на дисплее вспыхнула надпись: «Объект 11782. Статус: готов».

Лиле дождалась завершения синтеза, после чего подключила к нейронным портам младенца стандартный имплант с «базовым сознанием» – универсальным, лишённым индивидуальности пакетом инстинктов, знаний языка и социальных норм, поставляемым Имперским министерством колонизации. Правда, на панели выскочили ошибки, но она в этот момент отвлеклась на сообщения на планшете.

Аккуратно взяв на руки безмятежно спящего трёхмесячного младенца, она отнесла его в отдел логистики для последующей отправки на указанную в запросе планету.

Когда сознание Дона Карлтона наконец стабилизировалось в новом, идеальном теле на удалённой станции реинтеграции, к нему в один миг вернулось всё – и память, и осознание чудовищной ошибки. Холодный ужас сковал его, более острый, чем любая физическая боль. Он понял масштаб катастрофы. Планета, выбранная для «посева», имела особый, ограниченный статус – туда дозволялось отправлять только одно «зерно» за раз. Он же, по неведению, а точнее, в погоне за славой, не проверил данные, создав взрослого дубля, тем самым нарушил это правило. Как он теперь думал, Лиле могла не уничтожить тело и посчитать это решением корпорации, а значит, отправить как есть. Мысль о том, что из-за его оплошности на «священную» для корпорации планету мог попасть полноценный взрослый клон, вызвала у него приступ тошноты.

Несмотря на все его прошлые заслуги, корпорация вряд ли ограничится выговором. Речь шла о грубейшем нарушении имперского законодательства, чреватом колоссальными штрафами и потерей лицензий.

Инстинкт самосохранения сработал молниеносно. Пока шёл процесс акклиматизации нового тела, его цифровой аватар лихорадочно трудился. Он принял роковое решение: уничтожить все следы главного открытия, оставив лишь алиби. Ссылаться он будет на профессиональное выгорание и сбой в системе – дескать, переутомление, галлюцинации, сам не понял, что натворил. Авось, пронесёт и наказание будет лишь за формальное нарушение протокола. Дрожащими от виртуального адреналина пальцами он начал стирать самые глубокие следы работы с образцами из цилиндра на локальных серверах лаборатории, а затем, стиснув зубы, отдал команду на физическое уничтожение самих драгоценных ДНК-матриц. Лучше уж навсегда потерять ключ к славе, чем получить пожизненную ссылку на рудники. Он почти убедил себя, что поступает правильно.

Именно в этот момент, когда команда на окончательное уничтожение уже ушла в систему и не могла быть отозвана, а он в ужасе метался по каюте, к его двери бесшумно подошли несколько фигур в чёрных, лишённых всяких опознавательных знаков костюмах. Дон Карлтон всё понял без слов. Они нашли его. И пришли слишком быстро. Значит, его алиби не срабо-

тало, или Лиле всё доложила. Игра, в которую он вступил, была окончательно и бесповоротно проиграна. Не дожидаясь стука, он активировал заранее подготовленный протокол экстренного побега, отрёкшись от нового, безупречного тела, которое даже не успел обжить.

Учёному, чьи грёзы когда-то парили к вершинам вечной славы, не оставалось иного выбора. В панике он отрёкся от всего: от счетов, от титулов, даже от собственного имени. Он растворился в тёмных, бурлящих потоках нелегальных данных, а затем, под вымышленным именем, пробрался на борт старого грузового транспорта с поддельными кодами, в первом попавшемся, невзрачном и неудобном теле. Корабль, отрёкшийся от любой родины, стал его последним пристанищем. Так Дон Карлтон навсегда исчез с радаров Империи, а его величайшее открытие, вместо ключа к триумфу, обернулось проклятием, билетом в пустоту небытия.

Он так и не узнал жуткой иронии ситуации. Если бы в тот роковой миг он не отдал последней команды и открыл дверь, то увидел бы не карающий отряд, а делегацию высшего руководства. Они прибыли не для расправы, а с официальным предложением о беспрецедентном повышении и публичной благодарностью. Анализ данных, которые он только что уничтожил, но чьи следы ещё читались в резервных архивах, подтвердил гениальность находки. Корпорация уже предвкушала баснословные прибыли от монополии на технологии Предтеч. Но когда в панике Карлтон совершил необратимое и бежал, в глазах совета директоров это выглядело не как ошибка, а как акт промышленного саботажа или даже сделка с конкурентами. Ужас от потери величайшего актива мгновенно сменился холодной яростью. Именно тогда и был отдан приказ – уже не на награждение, а на полное и безоговорочное устранение несостоявшегося гения. Его страх, его поспешность и его попытка скрыть одну ошибку другой, вырыли для него могилу, в которую так и не опустили тело, а лишь стёрли саму память о его существовании.

[1] *Tabula rasa* (с лат. – «чистая доска») – латинское крылатое выражение, которое имеет разные значения в зависимости от контекста. Простыми словами, *tabula rasa* означает «чистый лист», «изначальное, чистое состояние сознания человека, которое ещё не заполнено информацией».

Глава 2

Глава вторая.

Дом зовёт.

– Твои сородичи теперь прекратят свои нападения? – решил я нарушить тягостную тишину, царившую в безлюдном коридоре.

– Да. Мы возвращаемся к базовому протоколу, – ответил Флинт, его механический голос, доносившийся прямо в сознание, звучал невозмутимо. – Также сосредоточимся на консервации ресурсов. Поскольку большая часть энергозапасов выработана, поддерживать прежнюю численность популяции нецелесообразно.

Мой новый спутник, этот парадоксальный союзник из плоти кристалла и логики, казалось, воспринимал всё как само собой разумеющееся.

– Как быстро, по твоим расчётам, она сможет добраться до хранилища? – спросил я, стараясь идти в ногу с его быстрым, почти бесшумным шагом.

– Слишком много переменных. Однако маловероятно, что раньше, чем через полгода стандартного времени. Ей предстоит проделать путь пешком.

– Разве это настолько огромное расстояние? – удивился я.

– И, да и нет. Однако на её пути будут стоять герметичные шлюзы. Ей потребуется сон, приём пищи. Всё это отнимает время.

– А как она собирается обходить эти двери? Может, отключить их питание полностью?

– Электроснабжение уже прекращено, – парировал Флинт, слегка поворачивая голову, и свет от его голографической шерсти скользнул по мрачным стенам. – Но существуют обходные пути, аварийные протоколы. Обнаружит ли она их, зависит от глубины её познаний. Нам это неизвестно.

– Она далеко ушла от той станции?

– Нет. Пока остаётся на прежнем месте.

– И что она там делает? – не удержался я от вопроса.

– Кричит. Бьёт кулаками по бронированному стеклу и использует весьма колоритный набор лексики, – ответил Флинт с такой бесстрастной прямоотой, что я чуть не споткнулся. Затем представил это и на моём лице появилась мстительная улыбка.

– Ты что, видишь это в реальном времени? – изумлённо выдохнул я.

– Нет. Но те, кто наблюдают, транслируют данные мне. У нас... общее информационное поле. Коллективное сознание, которое мы можем дробить или объединять по необходимости.

– Понятно, – кивнул я, в голове уже созрел план. – Тогда у меня к тебе просьба. Раз кристаллы – вопрос закрытый, можешь помочь с этим?

Я достал из браслета энергокартриджи, лёгкие и холодные на ощупь.

– Их заряд здорово облегчил бы путь и дал бы мне куда больше шансов в случае столкновения.

Внутренний голос, похожий на шёпот Дмитрия, подсказывал, что сила нам определённо понадобится.

– Амелия вряд ли сдастся без боя.

– Звучит логично. «Рой одобряет», — после краткой паузы произнёс Флинт и резко вернулся на место, его голографический хвост описал в воздухе чёткую дугу.

Мы провели в лабиринте служебных тоннелей около часа, петляя и спускаясь всё глубже, пока не остановились у неприметной двери на минус втором уровне.

– Здесь находятся резервы, – указал Флинт мордой на шлюз.

Я вошёл внутрь небольшого, похожего на кладовую помещения. Вскрыв один из металлических шкафов, я замер. Внутри, в идеальном порядке, рядами лежали энергокартриджи. Сотни. Их было не меньше трёх сотен. Даже Дима в моей голове не выдержал и присвистнул. Одна беда. Без кристаллов он мне не поможет.

– Я могу взять... всё? – переспросил я, не веря своей удаче.

– Да. Забирай. Затем – двигаемся дальше.

Не теряя ни секунды, я принялся перемещать бесценные «прямоугольники» в бездонное хранилище браслета. Когда последний картридж исчез в нём, я вышел в коридор, чувствуя прилив уверенности. Вот теперь заживём.

– Скажи, мой новый лучший друг, – начал я, и на моих губах появилась лёгкая, почти что проказливая улыбка. – А что ещё у вас тут припрятано?

– Всё, что есть, является нашим достоянием. А теперь – топай, – Флинт ускорил шаг, и в его «голосе» прозвучала отчётливая нотка нетерпения.

– Ты такой... – начал я, подбирая слово.

– Как человек? – закончил он за меня, не оборачиваясь.

– Именно, – подтвердил я.

– А ты полагал, иные разумные формы жизни общаются как-то иначе? То, что моя оболочка отличается от твоей, не отменяет логики. Понятно?

– Вполне, – кивнул я. – И не надо так горячиться. Возможно, я впервые в жизни беседую с... инопланетянином, если можно так выразиться.

– Это ты здесь инопланетянин, – парировал мой странный спутник, и его голографический хвост дёрнулся вверх, словно указывая на своды пещеры над нами. – А это – мой дом. Подумай над этим.

Он вильнул хвостом, подчёркивая свою правоту, и бодро зашагал вперёд, к выходу из этого подземного комплекса.

– Что ж, справедливо, – усмехнулся я себе под нос и поспешил за своим необычным, но уже незаменимым проводником.

Станция «Силикариевый Кузнец».

Амелия Гривальди, при всём своём виртуозном таланте к взлому интерфейсов и переговорам с искусственным интеллектом, оказалась бессильна. Её окружала мёртвая, немая архитектура. Консоль управления, похожая на алтарь забытого бога, молчала. Причина была до обидного примитивной: кто-то не просто обрезал силовые и информационные кабели, но и тщательно, до последнего сантиметра, их изъяс. Зачем, спрашивается, силикариям – существам из плоти кремния, кристалла и энергии – понадобился обычный провод? Сдать на переплавку? Мысль была настолько абсурдной, что вызывала не смех, а ледяное раздражение. Однако факт оставался фактом: перед ней лежала бесполезная груда поликерамики и пластика, а желанный транспортный модуль стоял неподвижно, как гробница.

Придётся идти пешком. Сквозь сотни или даже тысячи километров туннелей, мимо спящих фабрик и, возможно, патрулей тех самых «стекляшек». Она с силой провела рукой по лицу, смахивая несуществующую пыль. Невезение преследовало её по пятам. Сначала – плен в этой забытой богом фабрике, ставшей её темницей, где годы растянулись в вечность. Благо была криокапсула. Так бы точно свихнулась. А всё из-за собственной непростительной болтливости. В своё оправдание она тогда не знала, что её сопровождающие не просто слушают, а понимают. Она вела монолог, исповедалась непонятым созданиям из стекла и кремния, а они... они записали каждое слово в свою бесстрастную память. Злыдни. Сил на вас нет и нервов тоже, – не в силах сдержать раздражение, она ударила ногой пульт управления и тут же пожалела. Так как ей было очень больно.

«В который раз убеждаешься, Амелия, – мысленно, а затем и шёпотом проговорила она, глядя на свои тонкие, теперь такие беспомощные пальцы, – язык – твой главный враг. Осторожней с ним».

За этим осознанием пришло другое, странное и неприятное чувство – лёгкий, но назойливый укол совести. Всплыло лицо Игоря: решительное, с колючей щетиной и взглядом, в котором читалась усталость, но стойкая уверенность, что у него всё получится. Он её вытаскивал. Рисковал, дрался, доверял. А она... она использовала его как отмычку и ключ на выброс, бросив на растерзание машинам. Она резко тряхнула головой, и голубые пряди хлестнули её по щекам, словно пытаясь отогнать слабость.

«Нет, – прошептала она себе уже твёрже. – Главное – это цель. Только она».

Её цель была выжжена в сознании пламенем старой, неутолимой ненависти. Наказать Предтечей. Стереть с лица галактики всё, что они построили, всё их высокомерное наследие. Не только эту проклятую планету что снабжала их проекты ганием, но и звёздные системы вокруг. Они бросили их, своих детей, своих наследников, ушли в таинственное «Никуда», оставив одни тайны и обещания. Что ж, пусть их наследие последует за ними – в небытие, в сингулярность забвения.

А то, что в процессе этого справедливого возмездия она, Амелия Гримальди, может быть, обретёт независимость, богатство и силу... Это были лишь приятные, вполне заслуженные мелочи. Она поправила прядь, что так норовила залезть в глаза, её взгляд снова стал твёрдым и холодным, как лезвие, и она шагнула в зияющую пасть тёмного туннеля, оставив позади немой узел и призраки сожалений.

Ноги до звёзд доведут или дорогу осилит ходячий. Хм вроде как-то так там говорится, или я что-то путаю, – подумала Амелия включая музыку в плеере и подпивая потопала по тоннелю.

К форту я вернулся напрямик, через самое сердце ущелья. Пока я шёл, то заметил, что на главной стене выстроилась почти вся крепость – все, кто смог уместиться на узких боевых галереях. К счастью, мой спутник заранее растворился в окружающем ландшафте, и людям был виден только я. Лица у солдат были напряжённые, озабоченные, будто они ждали дурных вестей. Отчего бы такая мрачность? Не верят в великого меня? Это надо исправлять.

И тут во мне, наперекор усталости и грузу ответственности, проснулось старое, почти забытое ребячество. Вместо того чтобы подойти к всящей лестнице, я внезапно рванул с места. Когда до массивной стены оставалось всего несколько шагов, я с силой оттолкнулся, используя импульс в поножах, и прыгнул. Не на стену – а на её вертикальную поверхность. И побежал. Вверх, под углом девяносто градусов к земле, будто гравитация для меня была всего лишь дурной шуткой. Искры энергии прошивали воздух у моих стоп.

Вот тогда-то хмурые, усталые маски разом смягчились, уступив место сначала изумлению, а затем – неподдельному, детскому восторгу. На губах появились улыбки, раздались восклицания. «Так-то лучше», – пронеслось у меня в голове, и я мысленно улыбнулся сам себе. Народ нужно подбадривать, вселять в него уверенность. Тогда и любое дело будет спориться.

– Жив! – и меня, едва я соскочил с парапета на твёрдую землю внутреннего двора, схватил в могучие объятия Флоки, сжал так что у меня рёбра хрустнули. Его медвежья хватка была крепкой и искренней. По форту тут же пробежала волна радостных криков и одобрительного гула. Люди и правда были рады моему возвращению. И это тепло, простое и человеческое, отогревало душу.

– Жив, жив! – крикнул я в ответ, высвобождаясь из объятий и поднимая руку, чтобы перекрыть шум. – И с «стекляшками» я разобрался. Их нападения можно в ближайшее время не ждать. По крайней мере, полгода. Но это не значит, что мы можем расслабиться и распустить форт. Ситуация может измениться в любой момент.

«Вот это заявление уже куда ближе к истине», – прозвучал в моём сознании сухой, насмешливый комментарий Флинта.

М-да. Определённо, наше с ним путешествие будет полным сюрпризов. Дмитрия, бывало, можно было попросить убрать сарказм или перевести его в «деловой режим». Но что-то подсказывало, что с этим новым компаньоном такой фокус не пройдёт. Он был... цельным. Таким, какой есть.

– А сегодня, друзья, – объявил я, обводя взглядом собравшихся, – мы пируем! И я всё расскажу.

На самом деле, рассказал я далеко не всё. Вместо правды о сделке с разумными силикариями и преследовании Амелии, я сочинил захватывающую, но безопасную историю. Я красочно описал, как пробрался на их завод, нашёл и уничтожил «сердце творения» – механизм, порождающий новых воинов, а затем запечатал главный вход в ущелье древним артефактом, найденным в недрах комплекса. Этот же артефакт, дескать, и дал мне способность бросать вызов гравитации. Люди слушали, затаив дыхание, их глаза горели. Им хотелось верить в чудо, в простую победу сильного героя, а не в мрачные сделки с машинами. И я дал им эту веру.

На следующий день после шумного, хотя и настороженного пира, я отправился к отцу. Со мной поехали многие, но не все: мои ближайшие друзья, виконты Атос и Марк со своими верными людьми. Смысла задерживаться здесь, на граничной заставе, больше не было. Ежели силикариев нет. Отрабатывать боевое искусство и искать достойных противников они могли и на своих собственных, куда более комфортных землях.

В стенах родового замка меня ждал не просто разговор, а настоящий совет. В воздухе витала напряжённая серьёзность, усугублённая присутствием гонца, доставившего двойственные вести – от которых неясно было, радоваться или готовиться к беде. Пока что ситуация напоминала мутную воду, в которой ничего не разглядеть.

Поскольку род Хальтермарш ныне обладал графским титулом, на нас легла новая обязанность: предоставить кандидата для отборочных испытаний, которые впоследствии позволят участвовать в легендарном турнире «Четырёх Королей». Я тут же попытался увильнуть, сославшись на неотложные дела и собственную миссию, но произошло нечто неожиданное.

Флинт, невидимый для всех, кроме меня, вдруг проявил неожиданную активность. Его мысленный «голос», обычно сдержанный, прозвучал в моей голове с не свойственной ему настойчивостью, поддерживая Конрада: «Участие может предоставить неожиданные ресурсы или доступ. Это соотносится с нашей целью». Как, почему и зачем – на мои немые вопросы он не ответил, вернувшись в состояние бесстрастного наблюдателя. Что ж, если даже мой кристаллический союзник не против, то почему бы и нет?

Далее из новостей, которые отец излагал размеренно, постукивая пальцем по карте, я узнал, что ему вместе с верными баронами удалось с поразительной быстротой урегулировать конфликт с осколками рода Баварского. Оставшиеся в живых родственники не решились на новую войну. Дело замяли, скрепив договор печатями: они отказываются от мести, мы – от претензий. Однако они чётко дали понять, что в возможном противостоянии с куда более могущественным и коварным родом Вандермартов помощи от них ждать не стоит. Разбираться придётся своими силами.

Честно говоря, я слушал всё это вполуха. Дипломатические интриги, раздел владений, дворцовые договорённости – всё это было не моё. Даже моему старому учителю Верёвкину, человеку сугубо одинокому, подобные игры, кажется, были ближе. Вот пусть и играет.

– И каков же наш следующий ход? Куда двигаться? – спросил я, когда отец закончил.

В ответ Конрад молча протянул мне запечатанный пергамент с королевской печатью.

– Здесь указаны время и место сбора претендентов. Тебе надлежит быть там ровно через неделю.

– Я один? – уточнил я, вращательным жестом пальца обозначив небольшую группу.

– Не обязательно. Вот письма для виконтов Атоса и Марка, – отец положил на стол ещё два конверта. – Впрочем, мы оба понимаем, что Атос, при всём его мужестве, вряд ли пройдёт сквозь сито отбора. А вот ты с Марком... у вас шансы есть.

– А сколько всего представителей от королевства обычно участвует?

– Традиционно – один. Но на сей раз огласили новое правило: трое от каждого короля. Хотя до этого ходили слухи, что ограничений не будет вовсе.

– И что нам с этого? – пожал я плечами. – Всю славу и награды в итоге заберёт королевская фамилия.

– Обязанность есть обязанность. Да и нам перепадёт немало: влияние, земли, возможно, артефакты, – отец откинулся в кресле, и его лицо омрачилось. – Вот только есть существенная проблема: не все, кто отправляется на эти испытания, возвращаются назад.

– Но ради чего-то же они идут, рвут жилы? Должна же быть награда, ради которой стоит рискнуть.

– Её узнают только те, кто прошёл до конца.

– А те, кто вернулся? – не унимался я. – Разве они не рассказывают, что им обещали?

– Нет, – Конрад покачал головой, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на опаску. – Им... стирают соответствующие воспоминания. Они помнят лишь, как вошли в портал. И всё.

– Как удобно устроилось это таинственное жюри, – усмехнулся я. – А главное – зачем им всё это? Какая им выгода?

– Неизвестно. И не спрашивают. Силы, стоящие за этим турниром, настолько могущественны, что могут сравнивать города с землёй одним мановением руки. С ними не спорят. Им подчиняются.

– Понятно, отец, – кивнул я, поднимаясь. – Значит, я отправляюсь послезавтра.

– Почему не завтра? – удивился Конрад, приподняв бровь. – У тебя всего неделя. Путь не близкий.

– Хочу взять с собой побольше провизии, – ответил я с самой невинной улыбкой, которая только могла появиться на моём лице. – А то вдруг на турнире кормят одними церемониями да придворными интригами. А мне поросёнка с хрустящей корочкой хочется.

Я вышел из кабинета, оставив отца в лёгком недоумении. На самом деле, «провизия», которую я собирался прихватить, была куда более специфической и не только съедобной. Предстоящая дорога и сам турнир пахли не просто опасностью, а той самой возможностью, о которой намекал Флинт. И на всякий случай я собирался быть во всеоружии.

Откровенно говоря, я ожидал, что отец придёт в ярость, когда я сообщу ему, что нападения силикариев, судя по всему, прекратились навсегда, и есть вероятность, что мы их больше не увидим. Если только сами не сунемся к ним в логово. Однако реакция оказалась противоположной.

Выяснилось, что содержание приграничного форта в последние годы тянуло семью в убыток или, в лучшем случае, сводилось к нулю. Прибыль была мизерной и утекала, как вода сквозь песок, на постоянный ремонт, содержание гарнизона и закупку оружия. Так что, если мои слова соответствовали истине, Конрад наконец-то мог с облегчением перевести дух и сосредоточиться на других, куда более перспективных начинаниях. А их у нас теперь было предостаточно: расширяющиеся фермы, новые кузницы, даже красильни и кожевенные мастерские. Наши земли были богаты и щедры. Так что, вопреки моим опасениям, всё складывалось как нельзя лучше.

Когда все неотложные дела в замке были улажены и настало время отъезда, я оставил для отца в его кабинете письмо и два тонких медицинских шприца с голубоватой жидкостью внутри – тот самый подарок, что я выпросил у Амелии в обмен на будущие «вкусняшки». Инъекция не просто омолодит мою мачеху, но и даст ей шанс родить здорового наследника без риска для жизни. Надеюсь, они решатся этим воспользоваться. Я оставил этот дар про запас,

потому что не был до конца уверен, что смогу вернуться. Кстати, Флинт, проанализировав состав, подтвердил: препарат был подлинным, без подвоха. За что я мысленно, уже в который раз, поблагодарил ту синеволосую обманщицу – даже в её арсенале оказалось нечто, способное дарить жизнь, а не только отнимать её.

В путь со мной отправились верные Флоки, Болтун и Молчун – неразлучная троица, чья преданность проверена годами. Толя и Петр предпочли остаться в форте, и я был только рад за них – такая жизнь, на грани, с оружием в руках, была им по душе.

Наше небольшое караванное шествие направлялось в герцогство Краун. Тамошний правитель, герцог Арнольд Краун, славился своей страстью к турнирам. В молодости он и сам участвовал в «отборе» и не уставал гордиться этим фактом – ведь из четырёх претендентов живыми вернулись только двое, включая его самого. А тот, кто одержал победу, так и не вернулся обратно. Этот факт будоражил умы: куда же исчезают победители? Узнать ответ можно, только самому поднявшись на эту вершину.

Когда я уточнил, а с чего они взяли, что победитель не тот, кто вернулся, то мне объяснили. Возвращаются не только со стёртой памятью, но и тела тех, кто проиграл. А вот один всегда отсутствует.

Ещё одним нововведением стало условие о составе тройки: либо два юноши и девушка, либо наоборот. Логика в этом никто не видел, как, впрочем, и в большинстве других правил. Как отмечали Атос и Марк, которые погрузились в изучение традиций турнира глубже меня, нас ждали не только поединки, но и испытания на смекалку, логику, даже искусство. Я откровенно не понимал, зачем мне всё это. Пока я буду разгадывать головоломки, Амелия может быть в шаге от того, чтобы обратить целый мир в прах! Какая-то абсурдная нелепица.

Я мысленно набросился на Флинта, требуя объяснений, но тот, предатель, лишь углубился в своё молчание. Нет ничего раздражительнее, когда тебя ведут в тёмную, а твой проводник явно знает больше. Недавно он обронил, что у Амелии, по расчётам роя, не просто есть задержка, но и немалый шанс вообще не достичь цели. Как это согласуется с прежней спешкой? То «беги, спасай всё», то «иди, поучаствуй в благородных забавах для молодёжи». Понятно, что участники – давно не дети, но суть, я думаю, ясна. Да ещё и ограничение по возрасту – не старше двадцати семи. Почему? Я задавал этот вопрос так часто за последние дни, что сам себе начал казаться заезженной пластинкой.

Одно радовало в этой странной гонке: моим спутникам было весело. Дорога пролегла через живописные места, на постоялых дворах нас кормили отменной пищей, а ночи мы коротали за добрым вином и историями. Чего ещё желать для простой, мирной жизни? Вот только моё внутреннее чутьё, подкреплённое тревожным молчанием Флинта, подсказывало, что эта идиллия – всего лишь затишье перед куда более серьёзной бурей.

– Флоки, а ты чего такой задумчивый? – поинтересовался я, заметив, как мой друг устремил взгляд куда-то за линию горизонта, а его обычно оживлённое лицо омрачила тень.

– Да так... вспомнилось кое-что, – пробормотал он, не меняя позы.

– Так поделись, коли на то пошло, – предложил я, подъехав к нему поближе. – Всё равно ехать ещё добрых полдня.

Я предпочёл седло удобству кареты, поскольку мои дорогие спутники, виконты Атос и Марк, накануне слишком рьяно озаменовали наше «поспешное» отправление (как выяснилось, мы слегка опаздывали) и теперь навёрстывали упущенное во сне. Флоки же, обычно весёлый и беззаботный заставил меня заволноваться.

– Помнишь, я как-то упоминал об одной девушке? – начал он после паузы, наконец повернув ко мне голову.

– Припоминаю, – кивнул я. – Дочь какого-то ярла, если не ошибаюсь.

– Именно так. И есть все основания полагать, что она будет участвовать в этом самом турнире.

– Она настолько сильна?

– Очень. Настоящая валькирия, каких мало, – ответил Флоки, и в его глазах вспыхнуло смешанное чувство восхищения и какой-то странной горечи.

– Тогда объясни мне одну вещь, – не удержался я. – Зачем ты тогда уложил тех головорезов и угодил на каторгу, если она и сама, как ты говоришь, могла с ними справиться?

– А как иначе я мог добиться её внимания? – ответил он просто, как о чём-то само собой разумеющемся.

– Вот эти ваши северные обычаи – просто песня! – рассмеялся я, качая головой. – Цветов бы подарил. Или, на худой конец, коня какого-нибудь статного.

– Цветы у нас большую часть года под снегом, а кони... конидохнут, не выдерживают морозов. Да и прокормить их – целое состояние. Немногие могут себе такое позволить.

– Да ладно, не придирайся к словам, – махнул я рукой. – Суть-то ты уловил.

– А какой смысл сейчас об этом толковать? – насупился Флоки, и его брови сдвинулись в одну сплошную тёмную линию. – Было и было. Вообще-то я хотел у тебя кое-что попросить.

– Что именно?

– Денег. Хочу обновить облик, чтобы выглядеть... достойно. Чтобы она, когда увидит, поняла – дела у меня идут в гору и со мной ей не пропасть.

– Погоди-ка, – прищурился я. – Она, насколько я понимаю, дочь ярла. А значит аристократка?

– Да, – кивнул Флоки.

– А ты? – мягко спросил я.

– А я – нет. Я сын Ганса из клана Барвейнсов. Крошечного клана. Мы в королевстве ничего не решаем. Зато гордые, нас ещё никому не удалось сломить, – произнёс он с привычным, непоколебимым достоинством.

– Но для неё ты, по нашим меркам, всё же простолюдин?

– Всё верно, – подтвердил он, и в его голосе прозвучала покорность судьбе.

– Да не нужны ему твои деньги, – услышали мы из окна кареты. Туда высунулась растрёпанная голова Атоса, бледная и явно страдающая. – Даруй ему титул. Рыцаря, к примеру. Так он хоть сможет при всех с ней разговаривать, не опасаясь, что его за это на кол посадят.

Сказав это, виконт скрылся внутри, и послышались приглушённые стоны. Похоже, вечерашний коктейль из вина, пива и мёда давал о себе знать. А я ведь предупреждал.

На первом же привале я собрался было незамедлительно исправить несправедливость – взять с Флоки рыцарскую клятву прямо там, среди придорожных камней. Однако вмешался пришедший в себя Марк, вежливо, но твёрдо указав, что такое право принадлежит исключительно графу, но никак не виконту.

– Что ж, значит, поступим иначе, друг мой, – сказал я, положив руку на могучее плечо северянина. – Для начала подберём тебе достойный наряд. А уж как вернёмся, Конрад непременно наделит тебя титулом. Слово даю.

– Благодарю, Игорь, – прошептал Флоки, и его обычно каменное лицо дрогнуло.

– Да перестань трястись, как лист на ветру, – ободрил я его. – Во-первых, я сам ещё могу не пройти отбор. Во-вторых, и она имеет все шансы выбыть. Не факт, что вы там вообще пересечётесь.

– Она пройдёт, – с непоколебимой уверенностью заявил Флоки, и его взгляд снова устремился вдаль, будто он уже видел её силуэт на турнирном поле. – Вот увидишь.

Глава 3

Глава третья

Отборочные и не только

Рудники «Белокаменные».

Бьерн Дагссон, начальник горной стражи, восседал на своей привычной смотровой площадке, вырубленной прямо в скале. Отсюда, как с трона, он обозревал бесконечную панораму труда и страданий: крошечные фигурки рабочих под кнутами надсмотрщиков, тяжёлые повозки, гружённые камнем, и неподвижные, угрожающие силуэты стражников на вышках. Воздух был густ от пыли и воплей как людей, так и животных.

– Начальник, – раздался рядом голос, и к нему приблизился Освальд Дюран, его правая рука и главный исполнитель неприятных поручений.

– Что там? – не отрывая взгляда от своей любимой работы, процедил Дагссон.

– Прибыл человек. Желает выкупить своего сына.

– И в чём затруднение? Такса известна. Бери золото и выписывай ордер.

– В том-то и дело, что его сына здесь нет. А отец не верит.

Бьерн медленно повернул голову. Его взгляд, холодный и тяжёлый, как свинец, упал на Дюрана.

– Кого именно он ищет?

– Игоря Воронова. Того самого, что со своей бригадой откопал тот... аномальный булыжник.

– Даже так, – протянул Дагссон, и в уголках его рта дрогнула тень чего-то, отдалённо напоминающего интерес. Он проворно поднялся, поправляя на животе ремень с тяжёлой пряжкой. – Что ж, слушай внимательно. Ты сообщаем ему радостную новость: его сын давно получил свободу. Милостью графа. Объясни, что тому улыбнулась удача – он нашёл нечто ценное и был помилован. А затем направь его по следу что нам известен. В город Майск. Ты помнишь, где это?

– На юге, начальник, не забыл, – кивнул Дюран, мысленно прокручивая карту в голове.

– Прекрасно. Далее – ты переодеваешься в гражданское, берёшь самых надёжных и без лишнего шума отправляешься следом. Наши люди, посланные ранее, пропали. Значит, цель они нашли, но справиться не смогли. Мы не можем оставить это просто так. И граф, – Дагссон сделал паузу, чтобы слово прозвучало весомее, – граф ждёт от нас конкретного результата. Мы предоставим ему координаты семьи этого Игоря. Рано или поздно он туда наверняка явится. Вот там-то ты с ним и разберёшься. Окончательно. Всё ясно?

– Совершенно ясно, начальник. Будет исполнено.

– И будь осмотрителен. Возьми побольше людей. Насчёт расходов не беспокойся – наш господин золота не считает. Зато тех, кто терпит неудачи, он любит наказывать... лично. Всё. Ступай.

Дагссон тяжело опустился обратно в кресло, и его внимание вновь поглотило монотонное движение внизу. Его лицо было каменной маской, за которой прятались расчёты и холодная жестокость.

Освальд Дюран вернулся в административное здание, где его всё это время ждал мужчина средних лет, с лицом, изборождённым морщинами забот и тяжёлого труда. Как бы ни манил блеск возможного выкупа, страх перед графом был сильнее. Страх был отличным мотиватором. Поэтому он сделает всё как велено.

– Я всё выяснил, – начал Дюран, стараясь придать своему голосу оттенок деловой доброжелательности. – Ваш сын освободился несколько лет назад. Ему улыбнулась удача – он отыскал кое-что весьма ценное, и граф, в знак своей великой милости, даровал ему помилование.

– Такое... бывает? – скептически и с трудом выдавил Александр Воронов, его пальцы нервно теребили потрёпанный край шляпы.

– Редко, но случается, – солгал Дюран, мысленно добавив, что за все годы службы такого не припоминает. – Он уже на свободе. Поэтому я вас не обманул, что его здесь нет.

– Понятно, – прошептал мужчина, и его плечи бессильно опустились, будто из них выдернули стержень. Он развернулся, чтобы уйти.

– погоди, – остановил его Дюран. – У меня есть для тебя информация. Говорят, он отправился в город Майск. Это на юге королевства.

– Благодарю вас, добрый господин, – пробормотал Александр, поклонившись, и пошёл к выходу, где у коновязи терпеливо ждала его старая, костлявая лошадь.

Теперь его раздирали сомнения. Идти по этому сомнительному следу на юг или же вернуться к семье? Их приютил брат в Восточном королевстве, недалеко от самой столицы. Они начали понемногу обживать. Но «стеклянная болезнь», эта безжалостная, ползучая смерть, продвигалась по землям слишком быстро. Её ледяное дыхание, поговаривали, уже чувствуется на подступах к столичным землям. Нет, семью нужно спасать, и срочно.

«Если Игорь и правда на юге... значит, у него что-то получилось, – подумал Александр, глядя на пыльную дорогу. – Он парень смыслённый, да и семью свою любил. Так что поможет, чай не бросит».

Решение созрело быстро. Он решительно тряхнул головой, будто сбрасывая тяжесть неопределённости, ловко вскочил в седло и пришпорил лошадь в сторону морской пристани. Туда, где вскоре должен был отчалить корабль, доставивший очередную партию обречённых душ на каторгу. Этот же корабль мог стать и его билетом к спасению – на восток.

Наш небольшой «караван» въехал в Январьск – обширный, шумный и живой город, входивший в герцогство Краун. Славен он был прежде всего искусством. Его мостовые и переулки служили пристанищем менестрелям и поэтам, художникам и странствующим актёрам, бретёрам и философам – всем, чьим ремеслом были не кузнечный молот и не плуг, а мысль, слово, кисть или клинок. Город процветал. Сюда съезжались богачи со всего королевства, чтобы приобрести картины, заказать скульптуру или нанять личного поэта для сочинения оды в честь возлюбленной. Можно было даже найти дуэлянта, который сразится за вашу честь. Однако, как позже наклонился и шепнул мне на ухо Марк, всё это было лишь изящной лицевой стороной. Истинное же сердцебиение Январьска происходило в игорных домах, что роскошными дворцами соседствовали с не менее роскошными «домами утешения», где за определённую плату можно было найти не только вдохновение, но и вполне телесные утешения. Вот тогда-то всё и встало на свои места. А то заговорили о возвышенном, а я, грешным делом, начал терять нить. Всё, как всегда, сводилось к двум древним двигателям человечества: азарту и продажной страсти.

Мы разместились в одной из более-менее приличных постоялых дворов, пахнущих пивом, воском и ванилью, что было очень странно. Я не припоминаю, чтоб на постоялом дворе готовили сладости. С рассветом нас ждала встреча с самим герцогом Арнольдом Крауном. Он, как предупредили нас заранее, был «птичкой ранней» и требовал от подчинённых неукоснительного следования его строгому распорядку. К его герцогскому титулу добавлялся вес ещё одного – мага второго ранга, специализирующегося на огненной стихии. Что, само по себе, делало любую его просьбу неотличимой от приказа. Маги огня народ весьма вспыльчивый.

Вечером, когда мы ужинали в шумном зале, меня не покидало навязчивое, щекочущее нервы ощущение – за мной пристально наблюдают. Я сделал вид, что ищу глазами служанку,

чтобы заказать ещё кувшин сидра, (мой новый любимый напиток если что) и позволил взгляду скользнуть по залу. Моё внимание почти сразу приковала пара, сидевшая у дальнего окна. В отличие от остальных посетителей, чьи столы ломились от мясных блюд и кружек пива, их столик был завален... пирожными. Разноцветными, с кремом, в крошке и глазури – целая сладкая гора. Они не смотрели в мою сторону, увлечённо беседуя друг с другом, но что-то в них было неестественное. Слишком ухоженные. Не просто красивые, а словно выточенные из мрамора и фарфора: идеально гладкая кожа, ровные белоснежные зубы, изящные жесты. И при этом – простая, даже бедноватая одежда, сидевшая на них как чужой наряд, как неудачная маскировка. Будто два сияющих аристократа наспех переоделись в платье простолюдинов, чтобы затеряться в толпе, но забыли стереть с лиц отпечаток иного, благополучного мира.

Моё сердце, закалённое в подозрительности, сжалось. Эти двое были чужаками. И явно не простыми.

– Кирилл, ты ведь заметил, что наша цель сидит буквально через два столика? – тихо спросила Екатерина, делая вид, что поправляет салфетку на коленях.

– Заметил, – равнодушно отозвался муж, не отрываясь от тарелки с дымящимся яблочным пирогом.

– И? – настаивала она, слегка наклоняясь вперёд.

– И продолжаю наслаждаться десертом. Всему своё время.

Екатерина знала эту манеру – внешнее спокойствие Кирилла всегда скрывало бурлящий подспудный расчёт. Значит, ситуация была не такой простой. Притворившись, что направляется в уборную, она плавно поднялась и, грациозно скользя между столиками, позволила взгляду скользнуть по залу. Ничего особенного: шумная толпа, парочка подвыпивших купцов, семья с детьми... И он. Молодой человек, крепко сбитый, с неглупым, но пока что ничего не выражающим лицом в компании аристократов. Ничего примечательного. Вернувшись на место, она устроилась поудобнее и уставилась на мужа пристальным, испытующим взглядом.

– Ты сейчас дыру в моём лбе взглядом просверлишь, – безразлично заметил Кирилл, отламывая ещё кусочек пирога вилкой, что был на изумление вкусным превкусным.

– А ты упорно молчишь. Ты что-то знаешь. И, как мне отлично известно, когда ты знаешь и молчишь – дело пахнет серьёзными неприятностями.

Он наконец отодвинул тарелку, сложил руки на столе и наклонился к ней через стол, понизив голос до едва слышного шёпота.

– Мужчина за стойкой бара, у дальней стены, тебе никого не напоминает?

Не меняя выражения лица, Екатерина, будто поправляя непослушную прядь волос, бросила короткий, оценивающий взгляд в указанном направлении. За стойкой полубоком к ним сидел невзрачный человек в поношенной дорожной одежде. Не аристократ, определённо. Возможно, наёмник или странствующий торговец – меч на поясе в этих краях не редкость. Однако её профессиональный взгляд, заточенный годами, сразу выхватил детали: безупречная, собранная поза, слишком удобное расположение клинка, едва уловимые выпуклости под плащом, намекающие на скрытое оружие. Каждая деталь была отточена до идеала. Екатерина ругала себя, что не заметила его сама. Хотя это не она виновата, грушевый штрудель. Да-да именно он.

– Думаешь, один из наших? – так же тихо выдохнула она.

– Скорее, конкурент. Не все игроки предпочитают честные правила. Ходят слухи, что «Чёрная Роза» любит устранять помехи именно такими... деликатными методами.

– А если их вычислят? – брови Екатерины поползли вверх.

– Ничего не докажут. Они работают через десятки подставных контор, словно матрёшки. Докопаться до истинного заказчика практически невозможно.

– Почему тогда остальные не пользуются такими методами? – поинтересовалась она, отрезая изящный кусочек пирога.

– Потому что ставка – полное банкротство. Поймают – лишат всех лицензий на межпланетные разработки. Навсегда. Это не риск, это самоубийство для корпорации.

– Отчаянные, – заключила Екатерина, отправляя кусочек в рот и принимаясь жевать с театральной задумчивостью. – Безрассудные.

– Иначе на вершину рейтинга не взобраться, – кивнул Кирилл. – К слову, у них неплохо получается. Лет четыреста о них никто не слышал, а теперь они уже на сорок седьмой строчке среди самых влиятельных. Но они не единственные, кто ищет обходные пути. Тот же «Белый Свет», если верить слухам, отыскал лазейку в имперском законодательстве. Оказывается, сбрасывать на примитивные планеты... неразумные биологические формы – технически не запрещено. Лишь бы разумом не обладали.

– И какой же в этом прок? – заинтересовалась Екатерина, с лёгкой грустью констатируя, что пирог, как и до этого пирожные, успешно повержен. Её пальцы бессознательно провели по краю пустой тарелки.

– Они выводят существ, – тихо, но отчётливо начал Кирилл, придвигая к себе бокал. – Мощных, свирепых, словно сошедших со страниц самых мрачных ужасиков. Затем отслеживают координаты, куда соперники сбрасывают свои «зёрна». И представь: местные поселенцы не могут подобрать «дитя», потому что его уже охраняет настоящий монстр. А «Белый Свет» тем временем разводит руками – мы, мол, всего лишь обеспечиваем безопасность нашим подопечным, защищаем их от агрессивной фауны. Очень благородно.

– Что-то в этой истории не сходится, – покачала головой Екатерина, её взгляд стал острым, аналитическим.

– Разумеется. Изюминка в том, что тварей они изначально выпускают «для защиты» своих собственных точек. А уж то, что эти же твари волшебным образом оказываются ровно в секторе конкурента... Ну, что поделать, навигационная ошибка, сбой в данных. Досадное недоразумение.

– Вот же изощрённые негодяи, – выдохнула она, и в её голосе прозвучало не столько осуждение, сколько холодное профессиональное признание.

– Согласен. Но и это ещё не всё, – Кирилл слегка мотнул головой в сторону дальнего угла зала. – Помимо нашего коллеги-конкурента у стойки, за тем столом у колонны пристроился имперский инспектор. Судя по всему, прибыл досрочно. И, если верить количеству пустых тарелок перед ним, решил использовать служебную командировку с гастрономическим размахом – налегает на местную органику.

– Прямо как мы. К слову, какой же наш следующий ход? – спросила Екатерина, откидываясь на спинку стула и скрещивая руки на груди.

– Выжидательная позиция. Более того, есть определённая вероятность, что нашу работу с готовностью выполнит конкурент. Особенно если мы ему... ненавязчиво подскажем верное направление. Ведь наша цель, судя по тому, как к нему обращаются его спутники, уже не просто барон, а полноценный граф. Это меняет статус игры.

– А может, стоит решить вопрос комплексно? – она сделала едва уловимый жест рукой, словно смахивая со стола невидимые крошки. – Убрать всех разом, чтобы не мозолили глаза.

– Нет. Слишком рискованно, – твёрдо парировал Кирилл, и его глаза сузились. – В этом городе зреет что-то серьёзное. Слишком много посторонних, слишком много интересов скрестилось в одной точке. Сначала нужно понять, что здесь происходит. А уже потом – действовать. Пока же предлагаю действовать в духе местных традиций и заказать поросёнка с яблоками. Наша цель, я вижу, уже принимается за второго. Аппетит у молодого графа, надо признать, весьма и весьма внушительный.

– Да уж, ест он как не в себя. Может, и вправду попробовать? – задумчиво проговорила Екатерина и махнула официантке.

Те двое странных незнакомцев так и оставались на своих местах, методично опустошая тарелки за тарелкой. А когда они заказали целого молочного поросёнка с хрустящей, янтарной корочкой и дымящимися яблоками, моя насторожённость и вовсе растаяла, как утренний туман. Разве может человек, способный с таким неподдельным, почти детским наслаждением поглощать такое бесхитрое чудо как жаренный поросёнок, и при этом нести в себе что-то дурное? Ответ был очевиден: нет. Вот я их ем и много ем. Помогаю людям, когда могу. Потому что я хороший парень. Значит и они хорошие.

Вытеснив из головы остатки тревоги, я с головой погрузился в беседу с друзьями – в их шутки, споры и воспоминания. Наконец-то напряжение последних дней начало отпускать, плечи сами собой распрямились.

Утром наша небольшая компания направилась к арене, возведённой ещё при Диего Крауне, прадеде нынешнего герцога. Тот, судя по всему, тоже был большим ценителем «зрелищ». Здесь нам и предстояло пройти отбор. Конкретики не было никакой – ни формата, ни правил. Представители герцога сновали по периметру с таинственными, напыщенными лицами, от которых так и веяло собственной исключительностью. Пальцы сами собой сжимались в кулаки – так и хотелось стукнуть одного-другого по самодовольному носу. Не только за их загадочность, но и за эту всепоглощающую надменность. Я понимал, что вокруг – сплошь аристократы, но зачем вести себя так, будто ты... Впрочем, ладно. Я мысленно махнул на них рукой. Их такими выковала среда и воспитание, переделывать уже поздно. Вон ведь Марк – при первой встрече казался законченным спесивым ослом, а на поверку оказался вполне себе славным малым. Следуя той же логике, и эти напыщенные типы могли оказаться вполне сносными людьми. Но, по правде говоря, было уже всё равно. Я пришёл сюда не за дружбой.

– Доброго дня, господа. Кто будете и по какому делу? – преградил нам путь один из таких важных господ в ливрее герцога, оценивающе окинув взглядом.

Я молча протянул ему сложенные пергаменты с печатями, а затем сделал шаг вперёд, представляя нашу маленькую делегацию:

– Позвольте представить: виконт Атос Манфреди, сын графа Атласа. Виконт Марк Дроздов, сын графа Никиты. И я – Игорь Хальтермарш, сын графа Конрада.

Чиновник пробежался глазами по документам, его бровь едва заметно поползла вверх.

– Хальтермарш... Граф? Что-то мелькало такое, – пробормотал он себе под нос, не утруждая себя даже подобием вежливости. – Что ж, раз уж бумаги в порядке... Прошу следовать на отведённую площадку. Вскоре к вам обратится сам его светлость герцог Арнольд.

Народу набралось... Даже сказать «до чёрта много» было бы преуменьшением. Я сидел на отведённом месте, окидывая взглядом это море оживлённых, амбициозных лиц, и не мог понять: зачем они все здесь? Ради какого-то призрачного, неведомого «приза» готовы лезть в пасть к смерти, где шансы выжить, по слухам, невелики. Весь этот цвет магической «элиты» лучше бы направили свою силу и таланты на что-то действительно стоящее. На борьбу с настоящими угрозами.

Хотя, с другой стороны, именно сейчас я начинал осознавать, что самой ожесточённой борьбы, возможно, удастся избежать. Но станет ли от этого кому-то лучше? Если я последую своему плану и кристаллы исчезнут как источник энергии, магия для человечества перестанет быть доступным инструментом. Не будет омолаживающих эликсиров, мгновенного исцеления, многих благ, к которым все так привыкли. Собирать ману из окружающего мира – процесс долгий и доступный немногим. Мне самому, чтобы восполнить резерв после серьёзной битвы, требовались часы сосредоточенной медитации. Можно, конечно, оставить в качестве охотничьих угодий витралиев – пусть, мол, служат вечными «батареями». Но я-то знаю, что они разумны. Это будет не союз, а вечное рабство, новая, ещё более жестокая война. Такой путь для меня неприемлем.

Нет. Нужно искать иной выход. Нам нужно научиться жить в мире и вместе противостоять настоящим врагам – тем, кто смотрит на нашу планету лишь как на источник сырья. Они вряд ли поверят на слово, что весь ганий уже собран. Захотят копать сами, всё перевернуть. Но и это ещё не всё. Здесь, в недрах планеты, скрыты технологии Предтечей – целые архивы знаний, лаборатории, возможно, оружейные арсеналы. За такое наследие корпорации начнут войну без раздумий.

Нет. Я никого не позволю использовать. Мы должны стать союзниками. Витралии разумны, и у них есть своя воля. Они должны согласиться на мир, особенно если за меня поручатся... Вот только силикарии сделают это лишь при одном условии – если я остановлю Амелию. С хрусталиями, наверное, будет проще – они ведь уже пошли на контакт, помогли. Да, значит, так и будет. Будем сражаться за мир. А кто против – тому, как говорится, мы дадим в глаз, больно-больно.

– Игорь! – чей-то локоть нетерпеливо ткнул меня в бок, выводя из глубокого раздумья. Это был Марк. – Хватит витать в небесах. Смотри, герцог уже на трибуне, готовится вещать. У тебя всё нормально? Лицо какое-то...

– Да так... задумался, – пробормотал я, выпрямляясь на каменной скамье.

– О чём это ты там таком задумался? – влез Атос.

– О том, как отреагирует мир, если его лишит магии. Точнее кристаллов.

– Отреагирует скверно, – ответил Марк, пожимая плечами. – Но как-нибудь перебьётся. Человечество живучее. А теперь хватит философствовать – слушай.

Мы устремили взоры на центральную трибуну, где восседал герцог Арнольд. Говорил он долго, пространно, с пафосом пережёвывая одни и те же мысли. Он сыпал рассказами о себе, о том, как проходил отбор, как побывал на легендарном турнире... Речь его была подобна густому, сладкому сиропу – приторная и убаюкивающая. Я почувствовал, как веки начинают неумолимо тяжелесть, и едва поймал себя на том, что киваю в такт его витиеватым речам. Пришлось незаметно ущипнуть себя за запястье, чтобы окончательно не погрузиться в царство Морфея под монотонное бормотание сиятельного оратора.

– А теперь прошу наших юных претендентов разделиться и занять три очереди! – возвестил герольд, и его голос, усиленный артефактом, отдался эхом под сводами арены. – Вам выдадут порядковые номера. Услышите свой – смело шагайте в указанный шатёр. Желаю удачи! Пусть победу одержит тот, в ком сила духа сочетается с остротой ума!

Мы стояли не в самой гуще толпы, а чуть поодаль и как оказалось совсем рядом со столами, где учредители раздавали пронумерованные жетоны. Благодаря такому удачному расположению наши номера оказались первыми. В моей ладони застрел холодный металлический диск с вычеканенной единицей. Атос получил двойку, Марк – тройку.

– Участник под номером один! Прошу проследовать в шатёр синего цвета! – продолжил выкрикивать герольд. – Участник номер два – в шатёр жёлтого цвета! Участник номер три...

Я уже не стал вслушиваться в дальнейшие объявления, развернулся и направился к указанному входу, сжимая в руке жетон. По периметру арены, подобно гигантским экзотическим цветкам, стояло семь шатров. Каждый был выдержан в своём оттенке: синий, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, фиолетовый, красный. Внутри меня ёкнуло от любопытства – неужели цвет имеет значение? Может, он указывает на тип испытания или на соперника? Нужно держать ухо остро и запомнить, кто куда направился.

Что ж, посмотрим, что тут такого интересного нам приготовили!

Глава 4

Глава четвёртая

Испытания и новые плюшки.

Когда я вошёл внутрь, то полог шатра отсёк меня от мира густым бархатом. Внезапная тишина ударила по ушам после шума гомонящей толпы. Воздух внутри был сухим и горячим, пахло горячим песком и чем-то едким – озоном или магией. Я прям будто вернулся на рудники. Где солнце палило нещадно, а камень едва отдавал последние крохи прохлады, накопленной за ночь.

Прямо передо мной, на грубых каменных плитах, стояли три фигуры, отдалённо напоминающие льва с лицом человека.

– Это сфинксы, – прошептал в голове Дмитрий. – Стражи пирамид. По легенде, они охраняют покой владык, захороненных в них.

– Я помню, ты рассказывал. Правда, это на величественных стражей пирамид не тянут. Выглядят как-то обветшало, даже можно сказать, почти уродливо. И... плачут. Тоже мне, плачущие стражи.

– Не о том думаешь, Игорь. Подумай, откуда здесь они вообще могли взяться. Это не ваша история, и в вашем мире пирамид нет.

– Честно, даже думать не хочу. Мне и других забот хватает.

Из глазниц левого стекала чистая вода. Прозрачные капли звенели, падая в чашу у его лап. Средний рыдал расплавленным свинцом – тяжёлые, дымящиеся капли шлёпались с булькающим звуком. Правый источал жидкий свет, струящийся беззвучным сияющим потоком.

А в центре, между ними, горел факел. Его пламя было цвета тёмной меди и не колыхалось. Оно просто пылало ровным, немигающим светом, от которого щипало глаза и сжимало лёгкие. Это и был «магический огонь сердца дракона», который нужно было погасить.

Рядом стояла фигура в маске арбитра, что объясняла мне суть задания.

– Вы слышали правила, – раздался безличный голос. – Определите, чья слеза угасит пламя. Одна попытка. Ошибётесь – огонь станет лишь сильнее.

– Готовы? – Я согласно кивнул. И в тот же миг сфинксы заговорили. Их голоса скрипели у меня в самой черепной коробке. И тут магия. Вот они все любят прямо в голову лезть. Дмитрий – он-то понятно. Но вот все остальные: Флинт, рой хрусталиев и силикариев. А ведь это не очень приятно. Но что-то я отвлёкся.

Сфинкс Воды сказал: «Только свинец усмирит этот огонь».

Сфинкс Свинца проворчал: «Нужна вода. Свет – обман».

Сфинкс Света прошипел: «Лишь вода погасит его».

Затем тишина, что навалилась грузом. И что теперь?

– Думать, Игорь. Это очень полезное занятие.

– Может тогда сам подумаешь и мне скажешь?

– Нет. Это твоё испытание.

– А ты мне помогать должен.

– Если ты требуешь, я скажу ответ.

– Нет уж, спасибо. Самому интересно стало.

Далее он замолчал, а я принялся размышлять. Правила вертелись в голове:

Только одно из этих трёх утверждений – правда.

Только одна из трёх слёз – та самая.

Тот сфинкс, чья слеза нужна, всегда лжёт.

Жар от факела обжигал лицо. Я закрыл глаза на секунду, отгородившись от давящей атмосферы.

«Давай по порядку, – приказал я себе мысленно. – Предположим, нужна вода».

Если нужна вода, то Сфинкс Воды должен лгать. Но он говорит, что нужен свинец. Если вода – правда, то утверждение «нужен свинец» – действительно ложь. Вроде сходится. Но тогда Сфинкс Свинца говорит «нужна вода» – это было бы правдой. И Сфинкс Света тоже говорит «нужна вода» – это тоже правда. Получается две правды. А по правилам – одна. Значит, вода – не ответ.

«Хорошо. Предположим, нужен свет».

Если нужен свет, то Сфинкс Света должен лгать. Он говорит «нужна вода» – это ложь, верно. Тогда Сфинкс Воды говорит «нужен свинец» – если нужен свет, то это ложь. Сфинкс Свинца говорит «нужна вода» – тоже ложь. Получается ни одного правдивого утверждения. А должно быть одно. Не подходит.

«Остаётся свинец».

Если нужен свинец, то Сфинкс Свинца должен лгать. Он говорит «нужна вода» – и это ложь, если правда – свинец. Отлично. Теперь Сфинкс Воды говорит «нужен свинец» – ага, это правда. Сфинкс Света говорит «нужна вода» – это ложь. Всё сошлось. Одно правдивое утверждение (от Сфинкса Воды). Нужная слеза – свинец. А его источник, Сфинкс Свинца, соврал, как и должно быть.

Логика замкнулась в твёрдый, неопровержимый вывод. За что я себя мысленно и со всею старательностью погладил по голове.

Я открыл глаза. Без колебаний подошёл к среднему сфинксу. Жар от чаши с расплавленным металлом бил в лицо. Я взял её – рукоятки тут не было, пришлось браться за обжигающие края. Повернулся к факелу.

Пламя, будто почуяв угрозу, дрогнуло и вытянулось вверх. Я резко, одним движением, выплеснул раскалённый свинец в его основание.

Раздалось не шипение, а скорее глухой хлоп, будто огонь был плотным. Медное пламя будто захлебнулось, стало сжиматься, темнеть, поглощаясь тяжёлой, тусклой массой. Через мгновение от него осталась лишь куча пористого, чёрного шлака на жаровне. Тьма и тишина поглотили шатёр.

Голос арбитра нарушил безмолвие, звуча уже почти человечно:

– Испытание пройдено. Пламя Сердца угашено. Претендент номер один. Вы прошли испытание. Прошу вас на выход. Когда услышите свой номер, то приступите ко второму заданию.

Что ж, это было интересно. Посмотрим, что нас ждёт дальше. Поблагодарив арбитра, я вышел и пошёл на скамейки. Атоса и Марка ещё не было, а вот та странная парочка, привлекавшая моё внимание своим видом, была. Они сидели на трибунах и ели ягоды из кулька. Интересно, это совпадение, и они пришли поглазеть на отборочные? Ведь помимо них тут собралось куча народу. Да, наверное, так. Если б только не брошенный в мою сторону взор женщины. Ой, не простые вы, любители сладкого, ой, не простые.

Через два долгих часа меня наконец пригласили в следующий шатёр – на этот раз алого цвета. Затянувшееся ожидание было связано с большим наплывом желающих, что до сих пор пребывали. Не все успели добраться вовремя.

Внутри меня встретил мужчина в одежде цвета ясного неба, чьё добродушное лицо озяряла улыбка. Он оказался поразительно дружелюбен. Узнав моё имя и род, он оживился ещё больше.

– Хальтермарш, говоришь? Конрадов сын? – переспросил он, и его глаза теплели. – Да мы с твоим отцом в одной кампании служили! Против восточников при Оливковой роще. Рядом шли, спиной к спине. А ты, я погляжу, в него вышел – та же стать, тот же упрямый взгляд.

Он с отеческой теплотой похлопал меня по плечу, а затем его жест стал деловым. Говорить, что я не родной, не стал. Мы ведь и вправду похожи. А теперь, когда я знаю, что нас создают и у нас нет родителей, только один банк ДНК. То да. Можно считать, мы родственники.

– Ладно, ностальгировать будем после. Задача проста: открой этот шкаф. А чтобы подступиться, придётся поломать голову. У тебя пять минут. Готов?

– Да, – ответил я, и арбитр перевернул часы.

Задание, по сути, было детским – если не прислушиваться к внутреннему голосу, настойчиво шепчущему, что здесь испытывают не столько смекалку, сколько выдержку и умение замечать мелочи.

Арбитр мне указал на массивный старый шкаф, выдавший виды. Запор на нём был хитроумным, но целиком механическим, без намёка на магию. Как я понял, сюда надо влить определённое количество воды. И тогда замок откроется. Вопрос: сколько?

Рядом стояли два кувшина, один чуть больше другого. Рядом с ними бочка с водой. Я решил обойти шкаф. И не зря, на задней стенке горели ровным светом слова-подсказка: «Принеси в дар Равновесию четыре меры».

– Опять головоломки, – вздохнул я, подходя к столу и беря в руки кувшин. Он оказался увесистым, с внутренними зарубками – явно на пять мер. Другой кувшин был изящнее и мельче, судя по всему, на три, – размышлял я про себя.

«Поздравляю, – прозвучал в сознании сухой голос Дмитрия. – Тебе выпала честь сыграть в древнейшую игру „не пролей кислоту на ботинки“. Хотя в вашем мире она может называться по-другому».

– Странные у вас там игры, – пробормотал я, направляясь к бочке. – Как обычно, пояснений – ноль. Только «четыре меры». Будто это само собой разумеется.

Я наполнил большой кувшин до краёв. Вода плеснулась, но глина выдержала.

«Пять мер у тебя в руках, – констатировал Дмитрий. – Четыре – где-то в теории. Рекомендую не тряссти».

– Без твоих комментариев понятно, – проворчал я и перелил из большого кувшина в маленький. Тот заполнился доверху. В большом осталось на две меры. – Ладно... Теперь нужно освободить маленький.

Я выплеснул содержимое маленького кувшина в жадное жерло каменной чаши у основания шкафа. Вода плюхнулась с недовольным бульканьем, но ничего не произошло. Мало.

«Блестяще. Ты отдал три меры даром. Остаётся два в большом кувшине и ноль в голове».

– Заткнись, я думаю, – сквозь зубы процедил я. – Хватит меня доставать.

Я перелил оставшееся из большого кувшина в пустой маленький. Теперь в маленьком – две меры, большой пуст. Снова наполнил большой кувшин из бочки. В руках снова пять мер. В маленьком – две.

«Напоминаю, что время идёт, – с лёгкой издёвкой заметил Дмитрий. – Но ты не торопись, играйся с водичкой».

И тут до меня дошло. Если в маленьком кувшине уже две меры, то чтобы заполнить его до краёв, нужно долить всего одну. А из полного большого...

– Ага, – прошептал я и начал осторожно переливать из большого кувшина в маленький.

Вода поднималась, достигла краёв. Я остановился. В большом кувшине теперь должно было остаться... пять минус один. Четыре.

«Опа. Похоже, арифметика – твой конёк. Осторожнее, гений, не расплескай плоды своего интеллекта на пол».

Я, стараясь дышать ровно, присел перед чашей-замком. Медленно, чтобы не дрогнула рука, вылил в неё содержимое большого кувшина.

Ровно четыре меры.

Вода не просто наполнила чашу – она вспыхнула ровным синим светом и, словно впитавшись в камень, исчезла. Раздался глухой, удовлетворённый щелчок, и массивная дверь шкафа с тяжёлым скрежетом отъехала в сторону. Ага, магия всё же присутствует.

«Видишь? – сказал Дмитрий. – Когда не говоришь, а делаешь – даже получается. Поздравляю, ты решил задачку третьего класса средней школы».

Я вытер лоб тыльной стороной ладони, смотря на открывшиеся створки шкафа. Песочные часы на стене почти закончили отсыпать моё время. Да уж. По самому краю прошёл.

– Спасибо за помощь, – сухо ответил я. – Мог бы язвить поменьше.

– «А ты мог бы соображать быстрее, – парировал он. – Следующая задачка, полагаю, будет счётом до ста. Готовься, а то мало ли».

– Ты чего такой?

– Да ничего. Мир скоро может исчезнуть, триллионы разумных будут уничтожены. А мы тут задачки гадаем.

– Дима. Мы с тобой, похоже, мало знаем. Если рой стекляшек считает, что это нам поможет, то, значит, мы должны выиграть этот турнир. Поверь, их вычислительные возможности куда выше наших с тобой.

– Понимаю, но не принимаю.

– И это... понятливый ты наш, чутка прикрути свои человеческие эмоции, но не сильно. А то ты мне больше мешал, чем помогал.

– Это был сбой. Человеческая матрица сильно влияет, и её тяжело контролировать.

– Ну-ну.

Вернувшись в реальность, я пообещал, если пройду отбор, угостить Ганса холодным пивом и жареным поросёнком, а затем покинул шатёр.

Когда я вернулся к нашей скамье, то самой парочки любителей сладостей я не обнаружил. Поискав взглядом, нашёл их в другом месте. Их привлекла густая толпа, столпившаяся у одного из столиков, словно там раздавали бесплатное золото. Оказалось, там бушевал устроенный герцогом тотализатор. На кону были шансы участников: можно было поставить на победу или поражение конкретного претендента, на то, сколько шатров он осилит, и даже на время прохождения. Ажиотаж стоял нешуточный – кто-то знал кандидатов лично и делал ставки с холодным расчётом, кто-то руководствовался лишь слухами и интуицией. Деньги и азарт витали в воздухе гуще, чем запах пота и пыли арены.

Следующие несколько часов слились в череду испытаний. Я прошёл ещё четыре шатра. В каждом – своя головоломка: на остроту зрения в полумраке, на ловкость рук среди хитроумных механизмов, на умение выстраивать безупречные логические цепочки. Мой разум работал на пределе, такого напряжения я прежде не испытывал. Честно говоря, без того массива знаний, что был заложен в меня «Итератором» как готовый архив, я бы неизбежно споткнулся. Особенно запомнился один шатёр, где требовалось, переложив всего одну палочку, получить квадрат. Я провёл уйму времени, в сотый раз перебирая в уме геометрические фигуры, и решение пришло, лишь когда до окончания отсчитывались последние мгновения. Квадрат..., но не формы, а числа. Осенило внезапно и ясно, оставив после себя лишь горьковатый привкус запоздалого озарения.

Теперь мы втроём – я, Атос и Марк – сидели на той же скамье, дав своим людям возможность вернуться на постоянный двор. Мы сами их отослали: дожидаться здесь дальнейшего развития событий им было невыносимо скучно, а позволить им коротать время за пивом и азартными играми прямо здесь, на глазах у всей аристократической элиты, мы не могли. Здесь требовалось сохранять лицо, даже если за этим лицом скрывалась лишь усталость и желание поскорее закончить эту гонку.

– Ну как дела, друзья мои?

– Да так себе, – горестно сообщил Атос. – Завалился я на задачке.

– Какой? – с интересом спросили мы одновременно.

– Когда Яну было шесть лет, он вбил в дерево гвоздь, чтобы отметить свой рост. Каждый год дерево растёт на пять сантиметров. Ян вернулся к нему спустя 10 лет. На сколько сантиметров гвоздь поднялся за это время?

– Хм, – я задумался, впрочем, как и Марк. Мы уже давно поняли, что некоторые шатры каждый раз меняли задачки и тесты, чтобы участники не могли обмениваться ответами.

– Погоди. Так это же...

Ответить я не успел. Меня вызвали в последний шатёр.

– Поздравляю, вы прошли почти все испытания, – начала арбитр. К слову, в этот раз это была женщина пожилых лет. Такая добрая соседская бабушка, что всегда угостит тебя пирогом с курагой. – Осталось последнее задание.

– Я готов, – решительно ответил я и приготовился. Вот только внутри ничего не было. Ни механизмов, ни бумаги, ничего. Только арбитр-бабушка.

– Каких цветов шатры?

Зараза, так и знал, что это не просто так.

– Синий, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, фиолетовый, красный, – проговорил я, и, конечно, осознавая, что этого недостаточно.

– Правильно. А теперь назови, в каком порядке они установлены?

– Красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий и фиолетовый.

– Всё верно. Ты молодец. Наблюдательный. И последний вопрос. Что это значит?

На моём лице расплылась улыбка. Ответ сам всплыл в голове. Детская поговорка.

– Каждый одарённый желает знать, где сокрыт феникс. Ответ – радуга.

– Молодец, – на её лице также появилась добродушная улыбка. – Поздравляю вас, номер один. Вы прошли все испытания. Вас ждём завтра для прохождения испытаний на силу. Вы, кстати, маг? – Я кивнул. – Здорово. Тогда поставлю на вас монетку. Глядишь, и выиграю.

– Ставьте больше. Я точно выиграю.

– Почему ты так уверен? В этом году собрались очень умные и, как мне известно, очень сильные претенденты.

– Потому что мне не для себя, – ответил я и покинул шатёр.

Однако, выйдя из шатра, я ждал отдыха, а получил сюрприз. Едва я направился к уединённому уголку за трибунами, как воздух рядом с виском с шипящим звуком рассёк стальной болт. Если бы не инстинктивный магический щит и резкое предупреждение Флинта, что успел на доли секунды раньше, всё могло бы кончиться куда печальнее. Да, «Петля» выдернула бы меня обратно, но транжирить драгоценную энергию на такую ерунду я не намерен.

Пусть теперь у меня и целая гора картриджей, но если поделить их на всю оставшуюся жизнь – запас уже не кажется безграничным. А с учётом того, что скоро кристаллы могут стать редкостью... Кстати, надо бы озаботиться их заблаговременной скупкой. Скоро их цена взлетит до небес. Потребуется золото... Хотя можно предложить иной вариант – обменять десяток-другой моих картриджей. Заявить, что мой ганий – наивысшего качества, из него получатся эликсиры несравненной силы. На такое предложение точно клюнут. Кто же откажется от шанса продлить молодость и сохранить облик двадцатилетнего на куда больший срок?

И тогда я наконец завершу свой доспех. А поскольку он питается исключительно ганием, жизнь моя будет в масле... сладком и густом.

– В шоколаде, – поправил меня сухой голос Дмитрия. – Правильнее говорить «будет в шоколаде».

– Не знаю, мне больше по душе мёд, – мысленно парировал я, не сбавляя темпа.

– Я, конечно, не пробовал ни того ни другого, но, судя по статистике предпочтений во всех секторах Империи, шоколад уверенно лидирует.

– Да какая, в сущности, разница? Медовый торт всех примирит.

Все эти мысли проносились в голове, пока я нёсся по узкому переулку за силуэтом, что стремительно удалялся, ловко перепрыгивая с одной покато́й крыши на другую. «Не уйдёшь, негодяй», – стиснув зубы, подумал я. Я бегал куда быстрее. Проблема была в том, что пока я петлял по земле, вынужденный огибать здания, убийца двигался по прямой, легко преодолевая разрывы между домами, что сводило моё преимущество в скорости на нет. Но он не знал одного – высота для меня не преграда.

Устав от бессмысленной гонки, я резко развернулся, разбежался и, оттолкнувшись от стены двухэтажного дома, взметнулся на соседнюю крышу. В одно движение выхватив лазерный пистолет, я выстрелил почти не целясь. Луч угодил в плечо беглеца. И тут случилось странное: цель, споткнувшись и резко вскочив, не скривилась от боли. На его лице, чётко различимом в лучах закатного солнца, было написано лишь чистейшее недоумение. Ещё бы – парень, то есть я, судя по всему, был напигован артефактами до предела. Сейчас он, наверное, мысленно проклинал всех богов и того, кто подsunул ему этот «лёгкий» заказ.

Но дальше он удивил меня по-настоящему. Секунду я стоял, разинув рот, а затем принял тихо, но выразительно ругаться. У этого мерзавца оказался продуманный план отхода. Он метнулся к краю крыши, ловко спустился по заранее заготовленной верёвке, вскочил на осёдланную лошадь, привязанную в тени, и рванул прочь, поднимая облако пыли. Ха! Думаешь, удрал? Как бы не так. Я уже знал, что могу догнать и лошадь, и что выносливости у меня хватит на куда большее время, чем у коня. Что я, собственно, и начал демонстрировать.

Мы уже минут десять играли в догонялки за пределами города. Он мчался галопом по просёлочной дороге, а я бежал следом, с каждым шагом неумолимо сокращая дистанцию. Эликсир скорости я даже не думал использовать. Теперь они – роскошь, и тратить их на какого-то наёмника было бы непозволительным расточительством.

– Дмитрий, как у нас там дела? Энергии хватает?

– Всё в шоколаде, – ответил он с лёгкой усмешкой. – Каркас, поножи, функциональность стопроцентная. Организм в стабильном состоянии. Все показатели устойчивы.

– Флинт, может, ты их догонишь?

– Могу, но не буду причинять зла. Моя задача другая.

– Так если он меня убьёт, чего делать будешь?

– Ничего. Вернусь в рой.

– Так вы тогда умрёте.

– Это факт. Запомни, Игорь, каждому своё. Но при этом, если тебе будет угрожать опасность от неразумных созданий, я буду биться с тобой плечом к плечу.

– Так вон Дмитрий говорит, лошадь неразумна, может, тогда её остановишь?

– Лошади всё понимают.

– Ха, слышал, Димушка? Даже Флинт считает, что лошади всё секут.

– Передай ему, он дурак, – ответил Дима и отключился.

М-да, какой «замечательный», а главное, содержательный ответ от ассистента, чей разум сопоставим с ИИ.

Мы отделились почти на семь километров, когда я смог догнать скакуна и в прыжке выбить его из седла. Честно. Ранить лошадь не было никакого желания. Мне ещё возвращаться, а верхом это делать куда приятнее.

Мужчина слетел и покатился кубарем по земле. Когда он вскочил, то в меня тут же полетел нож, затем второй и третий. Все они зависли в воздухе, словно угодили в кисель.

– Кто послал тебя? – подходя к нему, я чётко следил за его руками. Я уже понял, он весьма ловок.

Вместо ответа он вынул меч и ринулся ко мне. Уже тогда я понял, что его меч необычный. Так как заметил едва уловимый ореол вокруг режущей кромки. Только вот понял слегка

поздновато. Мой меч, которым я попытался заблокировать удар, был разрезан, словно как раскалённый нож режет масло. Пришлось замедлить его на секунду, а самому отпрыгнуть.

Тогда я достал пистолет и направив ему в лоб выстрелил. И оцепенел, когда он заблокировал мечом выстрел.

– Эй, так нечестно, – проговорил я, а сам про себя подумал, что хочу больше всего на свете этот меч.

– Не знаю, на кого ты работаешь, но за применение оружия среди местных твоим нанимателям грозит отстранение, – он хищно улыбнулся и опять устремился ко мне, только вот покатился кубарем по земле, так как я задел его ногу.

– Я ни на кого не работаю, а это всё, – помахал я дулом пистолета, – я нашёл. Я тут как бы местный, а вот ты, судя по речам, инопланетянин. Засланный одной из корпораций, что мечтают мой дом превратить в решето в поисках энергоресурса. Только знаешь что? Не бывать этому. Вы ничего не получите.

– Да мне начхать на твою планету, – оскалился он и кинул в меня какой-то кругляш, что резко вспыхнул, ослепляя меня. Я не видел ничего подобного, поэтому мысленно не осознав угрозы, не среагировал. Граната-вспышка, – пришло ко мне понимание предмета, но затем я услышал:

– «Петля» активирована, – мир поплыл и вернулся на пять секунд назад.

Я не стал ему ничего говорить, повторяться, а вместо этого замедлил время и побежал к нему. Нас разделяло всего четыре шага. Пустяк для меня нынешнего. Оказавшись у него за спиной, я направил пистолет ему в затылок и нажал курок. Затем вернул мир в нормальное состояние.

Пучок света, вылетевший из дула лазерного пистолета, прошил голову и улетел дальше, растаяв в воздухе в метрах тридцати. Сам наёмник-инопланетянин упал замертво.

– И пусть это послужит уроком для всех, кто посмеет прийти сюда с дурными намерениями, – тихо, но внятно произнёс я, поднимая меч погибшего наёмника.

Оружие в моей руке выглядело нарочито простым, даже аскетичным. Неброская бронзовая гарда без излишеств, рукоять, туго обмотанная потёртой кожей багрового оттенка, прямое, заточенное с одной стороны лезвие, слегка изгибающееся к концу, напоминая кавалерийскую саблю, но без изящества. Всё говорило о сугубой практичности. Однако на рукояти, прямо под местом для большого пальца, моё внимание привлекло едва заметное углубление. Я нажал на него.

Тихое, почти неслышное жужжание наполнило воздух, и вдоль всего лезвия вспыхнул ровный, холодный синий ореол. Он не горел, а скорее вибрировал, заставляя контуры клинка слегка плыть в воздухе, а пылинки вокруг отскакивать с лёгким треском.

– «Дмитрий, это что? Тебе знакомо это оружие?»

– «Конечно. Это плазменный резак, стилизованный под местное холодное оружие. Энергоёмкий. Питается, как ты мог догадаться, ганием».

«Кто бы сомневался», – мысленно фыркнул я.

– «Между прочим, в своё время это было очень недешёвое удовольствие, – продолжил Дмитрий, и в его „голосе“ прозвучала нотка чего-то вроде уважительного удивления. – Способен выдерживать чудовищные нагрузки, резать полированную сталь, как масло, и преобразовывать часть поглощённой кинетической и тепловой энергии в заряд для собственной батареи. Судя по архивным данным, стоимость такого артефакта стартовала с отметки в тысячу имперских кредитов. Сейчас, думаю, куда дороже, а может, наоборот, удешевили технологию».

– «Это много?» – поинтересовался я, делая несколько пробных взмахов. Меч был идеально сбалансирован – центр тяжести лежал в гарде, и он словно продолжал руку, почти неведомый в движении.

– «В пересчёте на ваши реалии – на эти деньги можно было бы выстроить и полностью обставить добротный замок с приличным гарнизоном».

– «Вот это да...» – прошептал я, снова взглянув на мерцающее синим лезвие с новым почтением.

«Что ж, посмотрим, какие ещё сокровища ты припас», – подумал я, опускаясь на колени рядом с телом. К сожалению, пространственного браслета у него не оказалось. Всё его нехитрое имущество лежало либо в потёртых седельных сумках, либо было зашито в подкладку плаща и разложено по карманам. Но кроме пригоршни золотых монет разной чеканки и потрёпанной карты, я не нашёл ничего ценного. Это навело меня на мысль: у этого профессионала наверняка был где-то тайник с самым ценным.

С мечом разберусь подробнее позже, а сейчас пора возвращаться. Вдруг на арене уже хватились моего отсутствия. Не хотелось бы, чтобы подумали, будто я струсил и сбежал, испугавшись испытаний.

Глава 5

Глава пятая Вор, Граф и Графиня

Город на северо-востоке королевства Зильбергруд.

Двое мужчин шагали по улицам вымершего города, похожего на гигантскую безмолвную гробницу. Тяжёлая поступь их сапог гулко отдавалась от стен пустых домов, нарушая гнетущую тишину. Они вели под уздцы усталую, худую лошадь, которая с трудом тянула за собой гружёную телегу. Повозка скрипела под тяжестью награбленного добра, которое Олег и Равиль методично собирали, обшаривая каждый покинутый дом. Люди бежали в такой спешке, что оставляли за собой целые пласты жизни, и двум мародёрам было глубоко всё равно на призрачные суды и мнения несуществующих свидетелей.

Сейчас ими владела слепая, почти животная эйфория. Столько ценностей они не видели за всю свою никчёмную, бродяжью жизнь. Но сквозь алчную радость пробивалось стойкое, леденящее недоумение. Куда все подевались? Зачем люди бросили всё нажитое? Особенно поразил их дом бургомистра, где на стенах по-прежнему висели дорогие портреты в золочёных рамах и расшитые гобелены, а в буфете стоял фарфор тончайшей работы. Город будто застыл в момент своей жизни, а затем из него одним махом выдернули всех обитателей, оставив лишь пустые оболочки. Но при этом следы паники видны повсюду.

Зайдя в храм всех богов, они, не помышляя о небесной каре, с жадным хихиканьем принялись сгребать в мешки золотые потиры, серебряные кадила и украшенные самоцветами оклады. Их руки дрожали не от страха, а от неверия в собственное счастье.

Почему эти двое не ведали о причине исхода? Всё просто: их последнее «дело» обернулось катастрофой. Ограбленная ими усадьба вспыхнула, как факел, унеся с собой жизни детей и матери семейства. Олег и Равиль, спасая свои шкуры, укрылись в самых глухих дебрях, решив переждать полгода, пока страсти не улягутся. Ведь граф Ридиус, чьими землями они покусались, уже объявил за их головы награду по пять золотых за штуку. Граф славился суровостью и стремительной расправой. Смерть сама по себе их не слишком пугала – жизнь и так была дранной, как старая рубаха. Но ходили мрачные слухи, что перед финалом граф любил лично провести с жертвой день-другой... в своём подвале. Шёпотом передавали, что у него на службе состоит маг смерти, который не даёт душе отлететь, продлевая агонию на недели. Именно эти истории, обрастая в их воспалённом воображении жуткими подробностями, и загнали их в эту мёртвую глушь, подальше от людских глаз и графского правосудия.

– Олечка, а как думаешь, что тут, в самом деле, случилось? – Равиль, закинув на вершину нарастающей горы добра ещё один увесистый баул, взгромоздился на козлы телеги. Больше взять было некуда – телега скрипела под непосильной тяжестью. А взять вторую телегу – их попросту нигде не было. Золото, серебро, даже горсть драгоценных камней нашли, а вот повозок или карет – ни единой.

– А мыслю я, браток, так, – начал Олег, потирая заросший подбородок. – Нагрянул зверь какой из лесу, может, тварь болотная. Народ-то и разбежался.

– Глупости несёшь, – фыркнул Равиль, оглядывая пустые, но идеально целые улицы. – Крови нет, тел не видать, кишками не пахнет. Бежали они, да. Но думается, толпой уходили быстро, раз многие вещи не забрали, а кто и золотишко не взял.

Помолчали, каждый думал о своём.

– Так от чего же бежали? – не унимался Равиль, его пальцы нервно перебирали потрёпанные вожжи.

– Да кто ж его знает! И вообще, брось думать об этом. Я вот другое предлагаю – заглянуть в сам графский замок.

– Ты с ума спятил?! – Равиль даже отшатнулся. – Он же с нас живьём содрать кожу грозился!

– Да где он сейчас-то, твой граф? – Олег махнул рукой в сторону мрачного силуэта крепости на холме. – Думаешь, если весь город опустел, этот сатрап один в своём каменном мешке сидит? Только с виду он грозный, а чуть жареным запахнет – первый дёру даст. Да и лезть на рожон ради интереса не станем. Мы добро спрячем надёжно, а потом за замком присмотрим. Если стражу на стенах не увидим – значит, и правда пусто. Туда и переберёмся. Будем оттуда добро копить. Наберём столько, чтоб до гробовой доски не пахать – тогда и двинем на север, к тем ушлым перекупщикам. Они всё скупят, не моргнув глазом. Золото везти куда проще, чем всю эту рухлядь.

– Хм... – Равиль задумчиво поскрёб за ухом. – Звучит, дружище, будто музыка. Что ж, ладно.

Он стукнул поводьями, и усталая лошадь нехотя поплелась дальше, увозя их с награбленным в сторону лесной чащи, где они вознамерились спрятать своё добро.

Спустя пару часов они уже стояли у подножия графского замка. Картина поражала: по зубчатым стенам не шагали часовые, тяжёлые кованые ворота были распахнуты настежь, а подъёмный мост, вместо того чтобы быть поднятым, лежал через ров, словно приглашающая красная дорожка. Обычная для крепости бдительность сменилась зияющей, неестественной открытостью.

Осмелев, два закадычных друга решили не дожидаться ночи и, переглянувшись, осторожно ступили на мост. Их сапоги глухо застучали по поскрипывающим доскам.

Бродя по бесконечным коридорам и залам уже второй час, они не могли поверить своей удаче. Богатств здесь было в десятки раз больше, чем во всём городе. Под ногами шуршали толстые южные ковры, стены украшали огромные полотна в золочёных рамах и расшитые мифическими сценами гобелены. В залах стояли массивные канделябры из чистого золота, в уборных поблёскивали медные ванны, а в нишах замерли древние мраморные скульптуры. У обоих от такого изобилия начала кружиться голова, и мысль одна теснила все остальные: как же всё это добро утащить?

– Да нам и года не хватит, чтобы всё это вывезти, – размышлял вслух Олег, запрокинув голову и созерцая гигантское полотно, чьи размеры соперничали со стеной бального зала.

– А вот что мне любопытно, – Равиль подошёл ближе и начал медленно водить пальцем по холсту, следуя изгибам тела одной из многочисленных обнажённых нимф, украшавших сюжет. – Как художник умудрился это нарисовать? И где он столько голых девок раздобыл?

– Богат граф, браток, – весело хмыкнул Олег, пожимая плечами. – Что ему женщины? У него их, поди, в кровати сотнями водилось. Согнать целый гарем для позирования – ему плёвое дело.

– Слушай, а давай эту картину не продавать? – неожиданно предложил Равиль, не отрывая взгляда от пышных форм.

– А у тебя что, замок появился? – с преувеличенным изумлением спросил Олег, разводя руками. – Я что-то про такие твои владения не слышал. Может, ты есть граф, решивший поразбойничать для души? Порой такую чушь сморозишь... Куда ты её, дуру такую, повесишь? В обычный дом она не влезет.

Они двинулись дальше, и вдруг Равиль замер, будто вкопанный. Его взгляд приковал другой портрет – графини, изображённой рядом со своим супругом, доблестным графом Норманом Ридиусом. Женщина в синем, усыпанном жемчугом платье была ослепительно красива. И красота эта была не кричащей, а утончённой, аристократичной. Равиль почувствовал, как

что-то ёкнуло у него внутри. Он влюбился мгновенно, с первого взгляда на застывшее изображение.

Он постоял, раздумывая, затем с решительным видом вытащил из-за пояса нож. С кривой, почти нежной улыбкой он обратился к изображению графа на полотне:

– Супругу твою я полюбил. Уж не гневайся!

Он уже занёс руку, чтобы вонзить лезвие в холст, как вдруг...

– Кхе-кхе, – раздался за их спинами сдержанный, но отчётливый кашель, явно призванный привлечь внимание.

Оба вора резко обернулись. В проёме раскрытой двери стоял мужчина с тёмной повязкой, скрывавшей нижнюю часть лица. Но даже этого было достаточно, чтобы узнать властные черты и холодный, пронзительный взгляд графа Нормана Ридиуса.

– Какие неожиданные гости, и даже без предупреждения? – произнёс он, и его голос, слегка приглушённый тканью, звучал зловеще и глухо. – Хотя погодите... Вы, кажется, и не гости вовсе. Похоже, вы воры! – Он сделал паузу, изучая их бледные лица. – Постойте-постойте... Да не вы ли те двое, что бесчинствовали на моих землях? За кем мои люди гонялись день и ночь, да так и не смогли настичь? О да, это вы. Я вас узнаю. И знаете что?

– Ч-что? – выдохнули в унисон незванные гости, охваченные животным, леденящим ужасом. Их взгляды застыли на кожаном фартуке графа, обильно забрызганном тёмными, запёкшимися пятнами.

– У меня как раз закончился... рабочий материал, – продолжил граф, и в его глазах вспыхнул холодный, методичный интерес. – Да и мародёры в последнее время что-то совсем перевелись.

В этот момент из глубины замка донёсся тяжёлый, скрежещущий звук – лязг цепей, поднимающих подъёмный мост через ров.

Тут до них наконец дошло. Их заманили. Вся эта мёртвая тишина, распахнутые ворота – ловушка. Никто из обитателей замка никуда не делся. Но тогда где все остальные? Или он здесь один? Можно ли попытаться напасть? Стоп, кто же тогда поднимает мост? – Хаотичные мысли пронеслись в их головах, смешивая страх и отчаянную надежду.

– Бежим! – дико крикнул Олег, резко разворачиваясь на каблуках.

– Бегите, бегите, воры, – прозвучал за их спинами спокойный, почти ласковый голос графа. – Так будет даже интереснее.

Их ноги, движимые слепым животным страхом, понесли их в разные стороны. Равиль, захлёбываясь воздухом, ринулся вниз, в поисках любого окна, из которого можно было бы выпрыгнуть в спасительную темноту. Олег же, внезапно вспомнив о стоге сена у подножия восточной стены, решил спастись, спрыгнув с самой стены, и потому, пересилив ужас, помчался наверх по винтовой лестнице.

Олег бежал, не смея оглянуться, но его слух, обострённый паникой, улавливал каждую деталь. Позади, в каменной трубе коридора, раздавалось размеренное, неспешное поскрипывание сапог и... тихое насвистывание. Граф не бежал – он шёл, преследуя его с невозмутимой уверенностью хищника, знающего, что добыча уже в ловушке. Акустика в каменных стенах была превосходной, и Олегу казалось, будто холодное дыхание Нормана касается его затылка на каждом повороте.

Выскочив, наконец, на открытую галерею крепостной стены, он на миг почувствовал прилив дикой надежды: «Всё, спасён!». В тот самый миг, когда он занёс ногу, чтобы перемахнуть через парапет, с тёмного зубца рядом со свистом рассекая воздух, метнулась петля аркана. Она ловко накинута на его торс, и прежде чем он успел вскрикнуть, тугая верёвка резко дёрнулась, сбивая его с ног. Он грузно рухнул на спину, и мир взорвался ослепительной болью в затылке, поглотив сознание в чёрную, беззвучную пустоту. Кто его скрутил, он так и не увидел.

Равиль тем временем метался по нижним коридорам. Каждое окно, мимо которого он пролетал, было наглухо перечёркнуто новыми, крепкими коваными решётками. Эта деталь не укладывалась в голове. Зачем графу решётки внутри собственного замка? Какое безумие! Если враг прорвётся внутрь, эти прутья его не остановят. Он отметил про себя, что все они были свежейковки, установлены явно недавно. Выломать их плечом не удавалось – они держались намертво. Задышавшись, он рванул дальше, взбежал по лестнице на второй этаж, но и там из каждой арки смотрели те же железные клетки.

Единственное, на что хватило его перепуганного ума, – шмыгнуть в первую попавшуюся спальню и забиться под огромную кровать с красным покрывалом, прижавшись к холодному полу. Может, прочешут, не найдут, а ночью, когда всё утихнет, он выберется и сбежит.

Время тянулось мучительно медленно. Прошёл час, затем второй, третий. Его не нашли. В комнату дважды заходили стражники, слышался лязг их доспехов, тяжёлое дыхание. Они даже приподнимали покрывало, но заглянуть под кровать – в такое очевидное, детское укрытие – им в голову не пришло. Видимо, не верили, что взрослый мужчина способен на такую глупость. Равиль, затаив дыхание, мысленно ликовал.

Ближе к вечеру сквозь толщу камней донёсся крик – протяжный, раздирающий, полный нечеловеческой боли. Звук был знаком до мурашек, с самого детства. Кричал Олег. Значит, его всё-таки взяли. И теперь... Крики, однако, продлились недолго, оборвавшись внезапно и жутко. «Неужели прикончили? И так быстро?» – пронеслось в голове у Равиля. Его всего била мелкая дрожь, холодный пот заливал спину. От перенапряжения и страха сознание начало плыть, и в какой-то момент он сам не заметил, как провалился в тяжёлый, кошмарный сон.

Очнулся он от резкой, огненной боли в лодыжке – кто-то с силой дёрнул его за ногу и выволок из-под кровати. Над ним раздался дикий, торжествующий смех, затем этот некто произнёс слова, от которых кровь стыла в жилах.

– Ага, полагал, от меня укрыться? Нет уж, дорогой гость, в моих владениях я знаю каждый закоулок! Тут никому от меня не скрыться, – вновь раздался смех.

Норман с грубой силой дёрнул за ногу, вытаскивая вора из-под кровати. Равиль отчаянно брыкался, цеплялся ногами за резные ножки ложа, но граф оказался невероятно силен. Когда его наконец выволокли на свет, Равиль увидел, что Норман не один – за его спиной, заполняя дверной проём, стояли трое стражников в потёртых кольчугах, их лица были угрюмы и бесстрастны.

– Думал, мы не ведали, где ты прячешься? – один из них усмехнулся, обнажив кривые зубы. – Мы просто заглядывали, проверяли, как ты там устроился.

– Тащите его в подвал, к его рдугу, – скомандовал Ридиус коротким, отрывистым жестом. Затем, потирая руки с видом человека, ожидающего интересного зрелища, он с холодной ухмылкой вышел из комнаты.

От нахлынувшей волны беспросветного ужаса пойманный вор снова потерял сознание. Когда к нему вернулось восприятие, картина, открывшаяся глазам, была настолько чудовищна, что он едва не погрузился в забытие снова. Но ему не дали – на лицо и грудь хлынул ледяной поток воды из ушата, заставивший захлебнуться и забиться в кашле.

– Какой же ты неженка, – проговорил кто-то и после дал несколько оплеух, а затем кулак явно в перчатках с металлическими набойками врезался в грудь.

Оклемавшись, он поднял взор.

Перед ним, залитый трепещущим светом факелов, стоял высокий мужчина в одеянии из чёрного, поглощающего свет бархата. Нижнюю часть его лица скрывала повязка, но в глазах, холодных и оценивающих, читалось то самое непомерное любопытство, о котором шептались в городе. Маг смерти. Сама мысль снова отключиться была тут же пресечена – едва веки пленника начали смыкаться, по его щеке резко прошлось лезвие, оставив жгучую, тонкую полоску.

– Останься-ка с нами! – произнёс маг, убирая окровавленный нож. – А то ты и вправду чересчур чувствителен.

Он пододвинул к себе небольшой столик на колёсиках. Равиль, застыв в леденящем ужасе, уставился на разложенные на нём инструменты: крючья, щипцы, пилы разных размеров, ножи с изогнутыми лезвиями и множество других приспособлений, назначения которых он не знал. Все они были покрыты липкой, тёмной, ещё свежей кровью.

Только теперь он осмелился оглядеться. Он находился в просторном, сыром подвале. Вдоль стен стояли в человеческий рост железные клетки. В некоторых из них неподвижно лежали тела... существ. Они напоминали ледяные скульптуры – их плоть была прозрачной и переливалась, как мыльный пузырь, отражая и преломляя пламя факелов. Среди двух таких тел, лишь по обрывкам знакомой одежды, он с ужасом узнал Олега.

– Что... что с ним произошло? – выдавил он из себя хриплый шёпот.

– Он заразился кристаллической чумой, – охотно, почти научным тоном ответил маг смерти, представившийся как Итан. В этот момент в подвал, тяжёлой, мерной поступью, спустился граф Норман.

– Итак, Итан, – проговорил Ридиус, его взгляд скользнул по дрожащему пленнику. – С чего начнём на сей раз?

– Полагаю, господин, на этот раз стоит начать с пальцев на ногах, – спокойно предложил маг. Едва он произнёс это, как стражник, до этого стоявший у стены недвижимо, как изваяние, резко шагнул вперёд и грубо стащил сапоги с Равиля.

– Я бы предложил сделать надрез на пальце, – продолжил Итан, ловко вращая в длинных пальцах тонкий хирургический нож. – Наш предыдущий... пациент продержался почти час до начала кристаллизации. Значит, в этот раз конечность нужно будет отделить раньше, скажем, через полчаса. Необходимо установить, есть ли в этом метод спасения.

– Хорошо, – кивнул граф, и в его глазах вспыхнул тот самый леденящий, методичный интерес. – Начинай.

Как ни кричал вор, как ни молил о пощаде – его вопли разбивались о каменные стены и бесстрастные лица присутствующих. Вскоре ему и вовсе заткнули рот тугим кожаным кляпом, заглушив последние просьбы. Затем маг Итан, неспешно подобрав инструмент, поднёс к его босой ступне странный предмет – обломок, переливавшийся всеми цветами радуги, словно пойманный в стекло осколок северного сияния. Несмотря на боль и страх, Равиль с ужасом узнал в нём... деформированный, скрюченный человеческий палец.

Сделав «им» на пальце быстрый, точный надрез, маг отступил. Граф Ридиус в это время с торжественным жестом перевернул на стене песочные часы. Когда последняя песчинка упала, отсчитав полчаса, Итан, взяв острые хирургические ножницы, одним уверенным движением отсек мизинец на ноге пленника. После этого оба, не удостоив его больше взглядом, покинули подвал, оставив на дежурстве одного из стражников.

Для подопытного время потеряло смысл. Прошло, казалось, полдня, но с ним ничего не происходило. Зато с отрезанным пальцем на столике изменения были налицо: плоть постепенно утратила свой цвет и текстуру, превратившись в идеальный, прозрачный, мерцающий изнутри слабым светом кристалл. От этого зрелища вор завизжал с новой силой, когда в подвал вернулись граф и маг.

– Смотри-ка, живой, – флегматично констатировал Итан. – Тогда продолжим. Предлагаю перейти к руке.

– Не торопись, – остановил его Норман, поглаживая подбородок. – Из-за нашей активности уже недели три никто из этого сброда в гости не заглядывает. Источник свежего материала иссякает.

– А что, господин, если сложить на мосту груды золотых монет? – предложил стражник, и на его лице под повязкой дрогнули мышцы, изображая подобие улыбки. – Воры и прочая голытьба мигом найдутся.

– Весьма здравая мысль, – согласился граф, и все трое обменялись понимающими ухмылками.

Взяв кристаллизовавшийся палец рукой в толстой перчатке, Норман провёл им по ладони Равиля, оставляя тонкую, кровоточащую царапину. Часы были перевёрнуты вновь, на этот раз с отметкой в сорок пять минут. Однако, когда они вернулись, подопытный по-прежнему не проявлял признаков заражения. Они выждали ещё час, затем два – вор оставался жив, и, что поразительнее, в его состоянии не было никаких изменений. Он даже перестал кричать, погрузившись в состояние отрешённого, безнадёжного оцепенения.

– Это... крайне интересно, – произнёс Итан, делая новый, более глубокий надрез и наблюдая, как капли крови не впитываются в кристаллическую пыль, а остаются на коже. – Обычно инфекция действует мгновенно.

– Хорошо, – кивнул граф, и в его глазах вспыхнул азарт первооткрывателя. – Последняя проверка. Посади его в одну клетку с живым кристаллитом. Если выживет – значит, он и вправду тот самый.

– Исполню, господин.

– А я, пожалуй, подготовлю ту золотую горку, – с усмешкой граф покинул подвал.

Граф удалился, а Равиля, дрожащего и обессиленного, отвязали от стола и повели в соседнее помещение. Там, в аналогичной железной клетке, металась странная тварь – существо, будто целиком выточенное из живого, двигающегося стекла. Увидев её, вор пришёл в неистовство: забился, завопил сквозь кляп, но его никто не слушал. Два дюжих стражника швырнули его в смежную клетку, а затем опустили решётку-перегородку между отсеками.

Едва барьер исчез, кристаллит молниеносно набросился на пленника. В считанные секунды его тело было исполосовано десятками глубоких, стеклянно-острых порезов. Затем тварь оттащила, перегородку подняли. Прошёл час, другой, наступила и миновала ночь..., но Равиль оставался жив. Да, изрезанный, истекающий кровью, в шоке – но живой.

– Господин, – обратился Итан к вошедшему графу, на чьём лице играла торжествующая улыбка, – похоже, мы нашли его. Пора приступать к следующему этапу экспериментов.

– Отлично, – губы Нормана расплылись в довольной улыбке. Затем он повернулся к окровавленному, но живому пленнику. – Удача, выходит, на твоей стороне, вор. Ты ещё поживёшь. И, кто знает, может, даже заслужишь награду... в виде свободы. Но это, – он сделал многозначительную паузу, – не точно.

Его громкий, оглушительный смех, полный холодного торжества и безумия, раскатился по сырому, залитому кровью подвалу, смешиваясь с тихими переливами кристаллов и прерывистым дыханием их нового, бесценного образца.

Глава 6

Глава шестая

Тотализатор, меч и жадный Атос.

– Ты это видел? – взволнованная Булочка (Екатерина) резко сняла с головы прозрачный визор, по которому только что шла трансляция с летающего дрона, запечатлевшего погоню и развязку.

– Видел, – с необычной для него задумчивостью ответил Кирилл, откидываясь на спинку походной койки. Они заранее удалились в снятую комнату, чтобы сторонние взгляды не засекли инопланетные технологии. Здесь, конечно, у многих хватало «артефактов» местного или корпоративного производства, но использование гаджетов явно внеземного происхождения было верным способом привлечь внимание имперских спутников-шпионов. У Империи были свои, весьма безжалостные, методы выявления и «зачистки» нарушителей технологического развития планет, не вышедших в космос.

– И какие твои мысли? – спросила Екатерина, подходя к краю кровати и садясь рядом. Её пальцы непроизвольно теребили край визора.

– Боюсь, у нас с ним шансов маловато, – Кирилл провёл ладонью по лицу, и в его глазах отразилась редкая неуверенность. – Даже не представляю, как его можно ликвидировать. Он словно... чувствует саму смерть. Создаётся впечатление, что она от него отнекивается, не желая принимать. Ты только вспомни, милая, запись с того момента их боя. Как тот наёмник отрубил ему голову? А потом – помехи, и наш мальчик снова на ногах. И не просто на ногах – он в полном порядке. Это не регенерация. Это похоже на... мгновенный откат. Телепортацию в собственную прошлую точку.

– Или активацию гаджета времени на доли секунды до события. Что, в сущности, одно и то же, – кивнула Екатерина, её губы сжались в тонкую линию.

– Именно. От этого пахнет технологиями Предтечей. Они, согласно легендам, умели играть со временем, как дети с кубиками.

– Не только они, – возразила жена, припоминая. – Помнишь те старые байки о «Вечном Судье» – убийце, который всегда знал, как на него готовится покушение? Говорили, он тоже чувствовал угрозы заранее. Ни снайперский выстрел, ни бомба под транспортом – ничто не срабатывало.

– Помню. Чтобы с ним разобраться, пришлось стереть с орбиты целую планету-крепость. И даже тогда нет уверенности, что он погиб. Ведь никто не знал предела его способности «отматывать» время назад.

– Хорошо, – Екатерина поднялась и начала расхаживать по комнате. – Допустим, наша цель нашла артефакт Предтечей. Как нам известно, такие работают на жизненной энергии. Тогда пользоваться им решат единицы – слишком дорогая цена. И «фокус» с откатом можно провернуть два, от силы три раза. После чего нужно будет очень долго восстанавливаться. Но наш парень выглядит прекрасно, без признаков истощения.

– Это при условии, что он не использует ганий в качестве топлива, – парировал Кирилл.

– Откуда у него обработанный ганий? – удивлённо подняла бровь Екатерина. – Для устройств Предтечей нужен минерал, прошедший их нанофабрики. Такого в Империи не найти, а те, что есть, все у императора в сокровищнице. А здесь, на этой планете, у них даже электричества нет, о каком обработанном гании может идти речь?

Кирилл медленно сел на кровати, и в его глазах вспыхнула та самая холодная, аналитическая искра, которую Екатерина знала так хорошо и которая её так в нём сильно возбуждала.

– Оттуда же, милая, откуда у него лазерный пистолет расы Ламикрикс, – произнёс он тихо и многозначительно. – Но ты смотришь не туда. Подумай не о топливе, а о самом артефакте. Что, если он не просто нашёл устройство? Что, если он... сам и есть это наследие?

– Ты о чём это? – Екатерина на мгновение замерла, её палец застыл в воздухе, не дотрогнувшись до сенсорной панели визора.

– Он бежит быстрее скаковой лошади, взбегает по вертикальным стенам, словно паук, способен замедлять движение объектов, а возможно, как мы уже можем догадаться, и само время... – Кирилл медленно выдохнул, и его взгляд стал отстранённым, будто он проигрывал кадры в голове. – Нет, тут что-то не сходится. Не верю я, что какой-то учёный из «Чистой Линии», даже гений, мог натворить такое без ведома и контроля сверху. От этой всей истории слишком сильно несёт подставой.

– К чему ты клонишь? – спросила Екатерина, скрестив руки на груди. В её позе читалась насторожённость.

– К тому, что нас, судя по всему, держат за идиотов. Нам что-то серьёзно недоговаривают. Похоже, нас решили... списать. Отправить на миссию, из которой, по замыслу нанимателя, нет возврата.

– Ты бредишь, – фыркнула Екатерина, но в её голосе уже не было прежней уверенности. – С какой стати? Мы никогда не подводили «Чистую Линию», не нарушали контракты.

– Не знаю мотивов, – Кирилл поднялся с койки, и его тень, удлинённая тусклым светом масляной лампы, легла на стену. – Но я намерен это выяснить.

– Каким образом? – её брови поползли вверх.

– Полагаю, стоит откровенно поговорить с тем самым имперским инспектором. В частном порядке. Он точно что-то да знает.

– Ты же понимаешь, что после такого разговора его придётся устранить, – тихо, но чётко произнесла Екатерина. – Имперская служба найдёт убийц своих в любой точке галактики. Нам нигде не скрыться, если они узнают, что это мы сделали.

– Понимаю. Но я терпеть не могу, когда мной пытаются манипулировать, ведя вслепую.

– Тогда, может, стоит просто отказаться от миссии? – предложила она, делая шаг к нему. – Скинем им запись. Пусть сами разбираются со своим суперсолдатом.

– Эта мысль уже приходила мне в голову. Я даже вышел на связь с оперативным центром час назад, – Кирилл горько усмехнулся. – Мне вежливо напомнили о пункте контракта, исключая односторонний отказ. Мы в ловушке обязательств.

На лице его жены появилось выражение, знакомое Кириллу как предвестник бури – холодный, хищный оскал, в котором не было ничего от игривой «Булочки».

– Мой милый пряничек, – прошептала она бархатным, опасным голосом. – А не пора ли нам сменить вектор? Напомнить «Чистой Линии», кто мы такие на самом деле и почему с нами не стоит играть в такие игры?

– Ах, моя дорогая булочка, – лицо Кирилла озарила ответная, безудержная улыбка. – Как же я тебя обожаю, когда ты такая.

Екатерина в ответ поманила его пальцем с таким томным видом, от которого у него перехватило дыхание. Она плавно изогнулась, как пантера перед прыжком, и издала тихое, мурлыкающее звук, прекрасно зная, какой эффект это производит на мужа. Её спортивное, безупречное тело, недавно обновлённое в корпоративных биолaborаториях, в этот миг стало для него единственной реальностью. Все мысли о заговорах, контрактах и инспекторах испарились. С тихим, срывающимся рычанием он набросился на неё, а она встретила его, смеясь низким, победным смешком, растворяя тревоги в давно отточенном, стремительном танце взаимного забвения.

Слава всем богам, даже если они не существуют, меня, кажется, никто не разыскивал. Проблемой оказалась лишь та самая лошадь, которая ни за что не хотела подпускать меня близко. К счастью, в кармане нашёлся припасённый кусочек сахара, который и спас положение.

Вернувшись в город через дальние ворота, я сразу направился на постоянный двор. Первым делом принял долгожданную горячую ванну, а всю пропахшую пылью и потом одежду отдал в стирку.

Атос, к сожалению, испытание не прошёл. Судьи были непреклонны. Возможно, в другой день ему и дали бы шанс, но на сей раз их вердикты звучали как отточенные, категоричные удары. Впрочем, судя по выражению его лица – скорее озадаченному, чем расстроенному – он не воспринял это как трагедию. Марк же прошёл легко, что, в общем-то, неудивительно. Он умён, хладнокровен в нужный момент, виртуозно владеет оружием, а его магические способности и вовсе впечатляют.

Вечером, как обычно, мы ужинали в нашей компании. Обсуждали загадки, которые нам подкидывали в шатрах, и даже пытались воссоздать некоторые – например, ту самую с палочками. Оказалось, наши верные спутники вовсе не лишены сообразительности. Тот же Молчун щёлкал задачки, которые мы ему подкидывали, как орехи. Будь он магом, я бы, не раздумывая, отправил его вместо себя. Если бы, конечно, не знал истинных ставок этой игры.

Беда только в том, что любой заурядный маг, вроде того же Атоса, мог бы в два счёта справиться с любым из моих ребят. Пара метких импульсов воздуха в грудь или в голову – и всё, конец.

Любители «сладкого» также присутствовали в зале. Их стол, как и прежде, был завален десертами, но на сей раз другими – будто они задались целью перепробовать всё меню кондитера. Однако их лица, обычно безмятежные, были теперь омрачены. Они то и дело украдкой бросали взгляды на мужчину, сидевшего у окна и неторопливо, с видимым наслаждением расправлявшегося с огромной ногой барана, запечённой в яблоках с картофелем. Он ел так аппетитно, что я не удержался и заказал себе то же самое. Хотя Дмитрий и предупредил, что все «резервы полны», а «жизненная сила» – я, кстати, так и не понял до конца, что он под этим подразумевает – бьёт ключом, и столько пищи мне пока не требуется. Но ничего. Поем для себя.

К слову. Мне кажется, он всё-таки что-то скрывает. Как только разговор заходит о жизненной силе, что тратится на использование «Петли», он начинает сыпать такими заумными терминами, что я тут же теряю нить. А потом, мол, я ещё и тупой – он, конечно, так прямо не говорит, но смысл сводится именно к этому – и прекращает объяснять. Что ж, чёрт с ним. Главное, что система работает. А у меня и без его таинственности забот выше головы.

Перед тем как улечься, я решил удовлетворить разгоравшееся любопытство. Мысль об этом не давала покоя весь вечер. Достал из пространственного браслета тот самый меч и под чутким руководством Дмитрия, который, как выяснилось, горел интересом не меньше моего, принялся за работу. В гарде обнаружился скрытый отсек. Конструкция не была рассчитана на «стандартные» картриджи, так что пришлось действовать с ювелирной точностью, чтобы не растерять ни крупинцы драгоценного порошка. Я засыпал примерно десятую часть одного картриджа.

Закончив, я нажал на едва заметную кнопку активации.

Возникшая вспышка была ослепительной, буквально выжигающей сетчатку. Лезвие мгновенно превратилось в раскалённую жидкость и, шипя, брызнуло на пол раскалёнными каплями. Рукоять в руке стала расплываться, обжигая ладонь до боли.

«ПЕТЛЯ!» – мысленно выкрикнул я, уже готовясь к тому, что Дмитрий устроит мне разнос за бездумную растрату ресурсов и уничтожение артефакта. Но в ответ – одна тишина. И... меч снова оказался цел и невредим в моей руке, а палец лежал рядом с кнопкой. На всякий случай убрал его подальше. Мало ли.

– Ну и чего это было? – мысленно спросил я, ещё чувствуя на ладони призрачное жжение.

– «Извини, просчёт. Забыл предупредить, что он не рассчитан на такой ганий. На гарде, рядом с приёмником, должен быть регулятор подачи. Поверни его против часовой стрелки до упора, на минимальную мощность», – раздался в голове спокойный, аналитический голос ассистента.

Я нашёл крошечный диск, едва выступающий над поверхностью металла, и провернул его. Раздался едва слышный щелчок.

– «Теперь пробуй».

Я вдохнул, зажмурил глаза и нажал кнопку снова.

На этот раз ослепительной вспышки не последовало. Однако лезвие озарилось ровным, холодным сиянием, ярче любого факела. И, что главное, ничего не оплавилось и не деформировалось. Я выдохнул с облегчением и провёл рукой по лицу, смахивая несуществующий пот.

Первым делом решил испытать оружие на чём-то простом. Выбранной жертвой стала деревянная спинка стула. Без замаха, почти небрежно, я провёл светящимся лезвием по ней.

Результат ошеломил. Меч прошёл сквозь массивное дерево без малейшего усилия, будто разрезал воздух. Единственными свидетельствами удара стали идеально ровный, тончайший срез на древесине и с глухим стуком упавшая на пол часть спинки. Я застыл, смотря то на меч, то на результат, впечатлённый и немного ошеломлённый открывшимися возможностями.

– Жесть какая, я, кажись, влюбился, – с трепетом проговорил я, аккуратно размахивая им.

– Сойдёт. Не энергоклинок, конечно, но тоже ничего. С учётом вашего развития вполне себе интересная игрушка.

– А что за энергоклинок? – не стал я обращать внимание на его небрежный тон. – Ты мне о нём не говорил.

– Он входит в состав доспеха. Мономолекулярный клинок «Правосудие», меняющий форму по желанию, и режет любую материю. Когда говорю любую, значит любую, – добавил он, когда я не отреагировал должным образом.

– Железо, что ли? – не понимая, переспросил я.

– Материи бывают разные. Не только физические. Так, всё. Ложись спать. Я загружу в тебя умение обращаться с клинком подобного типа, а после займёмся обучением.

Утром я проснулся с ощущением, будто по мне проехала гружёная повозка, а следом поскакала кавалерия южного королевства, исполнив на моих рёбрах народный танец «Пого». Такого отвратительного состояния я давно не припоминал. Причина, конечно, была для меня ясна: почти три года упорных, изнурительных тренировок, проведённых в виртуальном мире. Боль пронизывала каждую мышцу и сустав. Новые возможности, открывшиеся, когда энергия перестала быть лимитирующим фактором, а он получил доступ к моему телу, хоть и ограниченный, были поистине поразительны – и ужасающе затратны для тела.

Дмитрий развернулся на полную мощность. Он непрерывно перестраивал мою физиологию, расширял и укреплял энергетические каналы, словно прокладывая магистрали для целого потока. Но больше всего меня тревожили его настойчивые попытки интегрироваться с нейроинтерфейсом «Когнис-7». И это при том, что с минимальным доступом, который он имеет к моей системе, результаты были впечатляющими. Я с опаской представлял, что начнётся, когда он получит полный контроль. Главное, чтоб он не смог управлять мной. Это тоже один из моих страхов.

Кое-как приведя себя в более-менее нормальное состояние, я спустился в общий зал постоянного двора. Мои люди уже собрались за столами, уплетая яичницу с сосисками. Я заказал себе простую яичницу, а затем с лёгким флером театральности достал из браслета запасы, приготовленные нашим другом с рудников Степаном – его сосиски, сложенные в кастрюлю, ещё были горячими, и аромат заставил всех за столом слотнуть слюну. Я принялся за еду с

таким видом и громким причмокиванием, что скоро на меня устремились завистливые взгляды со всех концов зала.

В итоге я добился не всеобщей зависти, а того, что меня вынудили делиться. Причём с каждым, вне зависимости от того, успели они позавтракать или нет. Они поглощали угощение с такой жадностью, что даже хозяин трактира не удержался, подошёл и, вежливо кашлянув, попросил попробовать. Отведав, он с почтением признал, что наши сосиски в разы вкуснее его собственных, и тут же попросил рецепт. Поскольку мы его не знали, нам оставалось только сообщить имя и местонахождение мастера – Степан из замка Хальтермарш. Пусть сам решает этот кулинарный вопрос. Так и представляю, как сосиски нашего друга захватывают мир и его блюда станут подавать королям. Хех, а что, он точно сможет.

Завершив утреннюю трапезу, мы отправились на арену. Сегодня там собралось куда больше народу. Хотя многие претенденты и не прошли испытания, они остались – поглазеть на дуэли и, возможно, почерпнуть что-то для себя из зрелища чужих побед и поражений.

– Марк, а артефакты применять можно?

– Да. В этом нет ограничений. Тут только одно правило: ты должен победить.

– Глупо. Артефакт может отказать, и тогда человек останется ни с чем. Умнее было бы найти сильнейшего, а уж после снабдить его по самое не хочу и тем самым улучшить свои шансы на победу.

– Разумно, но не учёл один важный фактор.

– Это какой же?

– Жадность. Ни один род не будет делиться с другими артефактами. Никогда и ни за что. Да, король может надавить, но не станет этого делать.

– Так он сам наверняка владеет немалым количеством, почему бы не одолжить?

– Потому что артефакты – это стратегический запас королевства. Ежели война, то победит тот, кто окажется сильнее и лучше всего обеспечен. Да, ты выиграл турнир и получил море плюшек, как ты любишь говорить. Да только придёт вражеская армия и всё заберёт. Так в чём смысл? Сам же знаешь, сгнута на турнире – раз плюнуть. Получается, и артефакты могут исчезнуть. Так как такие случаи бывали. Тела вернулись, а то, что было при нём, нет. Кто взял, конечно же, выяснить не получится.

– Понятно. Как получать плюшки, король первый, как помогать, так он о землях думает. Хотя, может, он и прав, куда мне, просто деревенскому виконту, понимать в политике.

– Станешь королём, посмотрим, как сам будешь поступать, – ткнул меня в плечо Атос.

– Нет уж, спасибо. Мне и своих проблем хватает.

Так болтая о всяких мелочах, мы дошли до арены. Кстати, Флоки выглядел прям огонь. Денег я ему дал, так что он теперь точно никак не похож на простого обывателя. Высокий, крепкий, волосы в косу собраны и серебряной нитью перетянуты. Он как минимум на барона тянет. Ну или как там у него в землях сын ярла. В общем, он доволен, а значит, и мне хорошо.

Мы подошли к столу, но оказалось, номерки получать не нужно. Участвуем с теми же, что дали ранее.

– Пойду-ка я немного монет подниму, – сообщил нам Атос и в окружении всех, кроме меня и Марка, отправились к месту, где принимали ставки.

– Смотрю, у всех лишние монеты есть, раз так бодро устремились делать ставки, – проговорил я в спину уходящей компании.

– Дело не в этом, – покачал головой Марк. – Скажем так, они верят в нашу победу. В твою так точно. Ты у нас уж больно удачлив. Словно самой удачей рождён.

– Ну-ну, – только и ответил я, а у самого перед глазами пробежали те разы, когда меня убивали. Удача так и прёт. Если б не «Итератор»... Так, всё, прочь дурацкие мысли.

Между прочим, Флинта нигде не было. Всё это время он шатался по городу. Зачем и почему, не скажу, потому как мне он ничего не рассказывает. Хм, а может, он вынюхивает, как города устроены, чтоб потом власть в мире захватить? Да не, бред же. Или не бред?

«Какой только хреню иногда не забивается голова», – подумал я, и тут же всё это вылетело из головы. Мимо нас прошла пара девушек. М-м-м, какие они были красивые. Я чуть глаза не сломал.

– Забудь. Твоё дело – бой. О нём и думай. Выиграешь – они сами подойдут познакомиться. А пока сосредоточься, – наставлял серьёзным тоном Марк. Он прям грезил, чтоб мы вдвоём прошли в финал. Главное, чтоб нас не столкнули раньше. Потому как здесь битва на вылет. Проиграл, вылетел.

– Да? А чего сам глаз оторвать не можешь? Я же вижу, как ты на них тарашись.

– Не тарашусь. Это раз. А изучаю. Это два. И в-третьих, я их заочно знаю. И связываться с ними тебе не советую. Не те рода, не те девушки.

Более мой друг ничего не добавил, но я и так понял, что он не шутит. Мой отец, когда матери, конечно, не было рядом, всегда говорил: «Бойся, сын, красивых женщин, они опаснее клинка». И, кажется, он был прав.

Через полчаса объявили первый поединок. Естественно, вызвали меня и номер семнадцать. Когда я переступил порог квадратной площадки размером шесть на шесть шагов, то на мгновение замер. Моей соперницей оказалась черноволосая красавица в облегающем кожаном доспехе, стилизованном под охотничий костюм – ладно скроенном, с защитными пластинами на груди, плечах и бёдрах, оставлявшем свободу движений. В её руках поблёскивали два изогнутых боевых кинжала.

Арбитр огласил правила предельно лаконично: «Убивать запрещено. Вот и всё». И в ту же секунду она рванула ко мне со скоростью, за которой глаз едва успевал следить. «Маг ветра, – тут же сообразил я. – Их, как назло, всегда встречается больше всего».

Я мгновенно принял внутреннее решение: раскрывать все свои возможности здесь и сейчас не стану. Да и находиться здесь мне не хотелось вовсе. Но раз уж судьба занесла на эту арену, нужно идти до конца и быть лучшим. Всё это в будущем должно работать на благо рода.

Девушка под номером семнадцать атаковала, словно ураган в человеческом облики. Магию она использовала не для прямых ударов, а исключительно для немыслимого ускорения собственного тела, превращаясь в размытый, едва уловимый силуэт. Я же пока не рисковал, предпочитая защиту. Мне требовалось понять логику и паттерны такого скоростного боя. Поэтому я точно, на доли секунды, активировал замедление времени, позволяя её кинжалам проноситься в сантиметрах от кожи, но не касаясь её. Тот факт, что она никак не может до меня дотянуться, явно начал её раздражать, а вскоре и вовсе вывел из равновесия – в её движениях появилась нервная, лихорадочная резкость.

К слову, вчера я провёл не только испытания с мечом. Я применил свой новый навык – «Запечатлённый шёпот». Суть его в том, что я могу ощущать эмоциональный отпечаток, оставленный на предмете или даже в пространстве. Когда я просканировал меч наёмника, то ощутил целую гамму чувств... наслаждения. Этот человек испытывал глубокое, почти экстатическое удовлетворение, лишая других жизни. Любые остатки сожаления о его судьбе, если они и были, мгновенно испарились, словно снежинки, упавшие на раскалённый уголь.

Тем временем моя нынешняя соперница начала выдыхаться. Запас маны, питавшей её скорость, иссяк. Очередной её выпад, уже лишённый прежней стремительности, я остановил, поймав рукой за запястье, заблокировав движение, и тут же приставил плоскую сторону своего меча к её горлу, не нанося удара.

– Победил участник под номером один, – объявил арбитр.

– Хочу выразить вам своё восхищение. Вы двигались невероятно быстро.

– Но недостаточно, – проговорила она. Вначале, судя по глазам, она хотела нагрубить, но мой мягкий тон заставил её изменить норму поведения.

– Я Игорь, сын графа Конрада Хальтермарш.

– Эльза, дочь графа Алессандро Калиостро.

– Приятно познакомиться, – открыл я дверку и отошёл в сторону, пропуская её.

Она ушла к дальним скамейкам, где её ждали слуги и охрана, а мой взгляд был прикован к её... кинжалам. А вы что подумали? Были они явно дорогие. Это видно сразу. И не по камням, а по металлу, лезвию, рукояти. Их сделал настоящий мастер.

– Как ты так быстро двигаешься? – всплеснул руками Атос. – Как бы я ни вглядывался, никак не мог уследить за твоими движениями. Скажи, ты ведь мог её сразу победить?

– Мог, – честно ответил я.

– А-а-а, – махнул он рукой, – понял. Всего показывать не хочешь.

– Ага. Кстати, как там твоя ставка? – решил я сменить тему.

– Я в долгу поставил. Если ты победишь и станешь тем, кто займёт одно из трёх мест, то получу три сотни золотом.

– СКОЛЬКО? Делись давай.

– Ты сначала победи, а я уж так и быть куплю тебе поросёнка.

– Сотню, – тут я принялся торговаться. Это где ж видано, такие деньжищи да за просто так.

– Пять, – заявил Атос.

– Так, Марк. Кажись, ты один отправишься на турнир. Без меня.

– Вот что сразу началось? Хорошо, двадцать. Но смотри. Ты должен будешь их съесть.

– В отличие от тебя я ничего тебе не должен. Съем, а остальное заберу, и не двадцать, а сорок. Всё. Вопрос закрыт.

Затем я повернулся к сидевшему недалеко от нас Флоки и всем остальным.

– Итак, уважаемые, а Вы чем собираетесь делиться? – Они все дружно сделали вид, что меня не слышат и вообще без понятия, кто я такой. – Вот что за люди жадные пошли? Уйду я от вас, – говорил я, а вместе с тем вынул бутерброд с сосисками и сыром и принялся есть. На вопрос поделиться сделал вид, что не слышу. Да-да, я мститель злой и такой же жадный. Потому что знаю, что поделись я с ними, то их поведение не исправит.

Следующим на арену вышел Марк. Его противником оказался юноша выше ростом, вооружённый щитом и длинным мечом. Парень был магом огня, однако его талант явно не отличался мощностью, а воинские навыки оставляли желать лучшего. В каждом его движении читалась неуверенность, будто он проводил куда больше времени, склонившись над фолиантами, чем оттачивая удары на тренировочном дворе.

К чести Марка, он не стал унижать соперника быстрой и грубой победой. Вместо этого он позволил тому развернуть свою, пусть и скромную, атаку, парируя удары без лишней агрессии и давая возможность проявить себя. И лишь когда стало очевидно, что юный маг исчерпал свой небогатый арсенал, Марк аккуратно и решительно завершил поединок, обезоружив его одним ловким движением.

С каждым таким поступком Марк нравился мне всё больше. Вот уж действительно – как обманчиво бывает первое впечатление. За внешней сдержанностью и аристократическими манерами скрывался не только сильный боец, но и человек, обладающий подлинным благородством и уважением к другим, даже к тем, кто слабее.

Следующим моим соперником стал юноша с кожей цвета снега, и был он не вооружён. И вот тут я понял – это будет интересно.

Глава 7

Глава седьмая

Будь готов всегда.

Мои тщательно выстроенные планы – сражаться, но не раскрывать своих возможностей – рухнули в одно мгновение, словно карточный домик под дуновением ветра. Мой новый соперник, участник под номером сорок два, владел магией земли, но пугало не это. Пугало то, что он был виртуозным мастером рукопашного боя. Его удары кулаками и ногами были настолько отточены и стремительны, что я едва успевал уклоняться и выборочно замедлять его конечности, которые так и норовили проломить мне череп.

Вот, к примеру, он наносит серию ударов – и вы, возможно, представили, что он подошёл вплотную и машет кулаками, как в обычной драке. А вот и нет. Он стоял в двух шагах от меня. Каждый его удар, будь то прямой в грудь или боковой в челюсть, не достигал цели физически. Вместо этого в воздухе рядом со мной на мгновение материализовались и обрушивались с чудовищной силой лепки из спрессованного песка и камня. По сути, он бил по пустоте, а урон получал я. Да, такая техника пожирала ману с катастрофической скоростью – он уже осушил второй флакон зелья. Но это не было запрещено. Главное – победа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.